

АНАТОЛИЙ ЧУПРИНСКИЙ

СЛУЧАЙ НА ВОКЗАЛЕ

Пьеса в двух действиях

Москва
Издательство «БПП»
2010

*Текст представлен в авторской редакции,
орфографии, пунктуации*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Гриша
Олеся
Шубина
Милиционер

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Маленький сквер рядом с платформами на Рижском вокзале. Кусты, деревья, две скамейки ярко-зеленого цвета. В глубине виднеется будка телефона-автомата. Посреди — цветочная клумба со скульптурой девушки-дискоболки. Из скверика два выхода: один — направо, с надписью: «На перрон», другой — налево, очевидно, в город.

Ночь. Воздух наполнен той тревожной, волнующей белесой дымкой, которая появляется только в конце мая и держится всего несколько дней. Хотя уже довольно поздно, в скверике совсем светло. Изредка сюда доносятся обрывки разговоров, смех, дальние гудки тепловозов, шелест шин такси по влажному асфальту. Все вместе эти звуки и дымка в воздухе отдают неповторимую атмосферу тихого Рижского вокзала, каким он бывает только теплой майской ночью. Впрочем, это может быть и другой вокзал. И даже другой город.

На скамейке сидит ОЛЕСЯ. Красивая девушка с большими, чуть раскосыми глазами. Длинные белые волосы, потертые джинсы, свитер, маленькая сумка. Шестнадцать лет. Выглядит она на все двадцать. Это, в общем, уже взрослая, с вполне сложившейся фигурой женщина. Но достаточно ей заговорить или хотя бы улыбнуться, — всю ее «взрослость» снимает как рукой. Перед нами обыкновенная шестнадцатилетняя девчонка. Впрочем, нет. Не совсем обыкновенная. Особый блеск в глазах, резкие перепады в настроении, почти без видимых причин, и какая-то душевная распахнутость выдают натуру, способную видеть мир в одной ей доступной оттенках и красках. Все это, конечно, не сразу бросается в глаза. Только внимательно присмотревшись, можно разглядеть в ней человека не совсем заурядного. Сейчас ОЛЕСЯ сидит на скамейке и вертит в руках собачий поводок с ошейником. Поводок и ошейник совсем новые, явно только, что из магазина. Оба очень красивые и наверняка очень дорогие.

По ее поведению видно, что она вся в напряженном ожидании какого-то большого и радостного события. Вот ОЛЕСЯ посмотрела на часы, достала из сумочки монету, подошла к телефону-автомату, набирает номер. Не успела она сказать «ал-ло!», как автомат проглотил монету и замолк. ОЛЕСЯ раздраженно стукнула по нему кулачком и вышла, сердито хлопнув дверцей. Подошла к скамейке, села в прежней позе, вертит в руках поводок и ошейник.

У выхода из скверика появился ГРИША. Это худой, среднего роста парень с умным, тонким, нервным ли-

цом. Длинные темные волосы почти до плеч, клетчатая коричневая куртка, потертые джинсы. Вообще он довольно циничен, резок, временами груб с окружающими. В моменты откровения искренне, даже наивен. Чувствуется, что в свои восемнадцать лет он успел увидеть в жизни много и хорошего, и дурного. Но не во всем успел разобраться. Если говорить об основном качестве его характера, то его можно определить одним словом - беспечность.

ГРИША затравленно озирается по сторонам, некоторое время стоит не двигаясь. Видно, что он чем-то сильно напуган. Немного успокоившись, ГРИША входит в скверик, замечает Олесю, останавливается, садится на скамейку напротив, начинает рассматривать ее в упор. Видно, что это доставляет ему большое удовольствие. ОЛЕСЯ, вздохнув, отвернулась, недовольно поморщилась. ГРИША улыбнулся.

ГРИША. Что, девочка, собаку потеряла? Черную или белую?

ОЛЕСЯ. В полосочку. Толай, откуда пришел.

ГРИША. Человек — друг собаки, верно? Стало быть, я тоже. Может, вместе поищем?

ОЛЕСЯ молчит, смотрит в сторону. ГРИША зевнул, повертелся, заметил скульптуру девушки-дискоболки.

(Удивленно.) Ого! Вот это да! (Обращается к скульптуре.) Привет, старуха! Все метаешь? И как, никого не зашибла? (Пауза.) Да... не очень ты разговор-

чива. Почти как во-он та, с ошейником. Как думаешь, что она будет делать, если собака не отыщется? Наденет на шею мужа и будет выгуливать. По три раза в день.

ГРИША помолчал, покосился на Олесю. Та не реагирует.

(Скульптуре.) Слушай, погоди. У тебя закурить не будет? Ах да! Совсем забыл. Спортсмены не курят, не пьют... спортсменки - тем более. Режим, зарядка, тренировка, кросс, бобслей, спидвей и все такое. (Пауза.) Да.. А курить меж тем страсть как хочется... (Олесе, очень вежливо.) Простите, у вас не найдется закурить?

ОЛЕСЯ, молча, достала из сумочки пачку, сунула одну сигарету себе в рот, прикурила от зажигалки. Пачку спрятала обратно в сумочку. Сидит, молчит, курит.

ГРИША (обиженно.) Что, неужели одну сигарету жалко?!

ОЛЕСЯ посмотрела на него, также молча достала пачку, протянула. ГРИША вскочил, побежал, взял сигарету, демонстративно вернулся обратно, закурил.

(Вздыхнул, искренне.) Спасибо, хоть одна добрая душа нашлась!

Оба сидят курят. Изредка поглядывают друг на друга.

(Улыбается.) Где-то я тебя, девочка, видел. Лицо очень знакомое.

ОЛЕСЯ (поморщилась). Скажи лучше, что тоже любишь собак.

ГРИША. А вспомнить — хоть убей — не могу! Ты в Прибалтике никогда не бывала?

ОЛЕСЯ. Топай, говорю, откуда пришел. Здесь тебе ничего больше не обломится.

ГРИША. Такая красивая и такая злая. (Пауза.) А я вот никогда в Прибалтике не был. Там, говорят, янтарь на пляже прямо под ногами валяется. Хоть лопатой гребь. (Докурил сигарету, затушил ее об каблук, окурок спрятал в карман куртки. Вдохнул, помогал головой. Попытался посвистеть — не получилось.) Слушай, это... Ты как в смысле финансов? Располагаешь? Может, подкинешь пару монет? Раз уж ты такая добрая.

ОЛЕСЯ (с угрозой). Сам уйдешь или помочь?

ГРИША с любопытством посмотрел на нее. ОЛЕСЯ достала из сумочки милицейский свисток, пронзительно в него засвистела. ГРИША как ужаленный вскочил, быстро подбежал к выходу на перрон, увидел там кого-то, испуганно заметался по скверу. Потом скрылся в проходе налево. ОЛЕСЯ несколько растеряна. Видимо, она сама не ожидала такой реакции. В скверике появился МИЛИЦИОНЕР. Это довольно молодой парень лет двадцати пяти. Широкое и открытое лицо, крепко сложен. Он спокойно проходит мимо

скамейки, оглядывается по сторонам. Замечает Олеся, подходит ближе, останавливается, рядом со скамейкой. Олеся независимо закидывает ногу на ногу.

МИЛИЦИОНЕР. Кто свистел?

ОЛЕСЯ. Не знаю. *(Пожала плечами.)* Я не слышала.

МИЛИЦИОНЕР пристально смотрит на нее. ОЛЕСЯ спокойно выдерживает его взгляд. МИЛИЦИОНЕР покачал головой, еще раз огляделся по сторонам, хотел уйти, но заметил в ее руках ошейник и поводок.

МИЛИЦИОНЕР. Сбежала?

ОЛЕСЯ *(испуганно)*. Кто?! Нет...

МИЛИЦИОНЕР. Собака.

ОЛЕСЯ. А-а... *(Облегченно.)* Нет. Она еще и не родилась, наверно. Нет ее пока.

МИЛИЦИОНЕР улыбнулся, лицо его посветлело.

МИЛИЦИОНЕР. Будете выбирать, смотрите на лапы. Лапы должны быть крупными, как подушечки. Особенно передние.

ОЛЕСЯ. Спасибо.

МИЛИЦИОНЕР *(вздыхнул)*. Вообще собака — это... хорошо. Умнее многих людей.

ОЛЕСЯ кивает, чуть заметно улыбается.

Вы... на электричку опоздали?

ОЛЕСЯ. Нет, я встречаю. Поезд опаздывает.

МИЛИЦИОНЕР. Рижский? Верно. *(Посмотрел на часы.)* На час двадцать, это как пить дать. Не меньше. Всегда из графика выбивается. Ну, всего доброго! *(Козырнул, пошел было к выходу, обернулся.)* Не заметили, такой... лохматый парнишка не вертелся возле вас? В клетчатой куртке...

ОЛЕСЯ *(не сразу)*. Нет. Никого не было.

МИЛИЦИОНЕР. Смотрите, эти... лохматые. В случае, чего, я здесь, в районе вокзала. Дежурство до шести ноль-ноль. Обращайтесь, если... что. *(Пауза.)* Не видели, значит. *(Еще раз козырнул и медленно, хозяйским взглядом осматривая все вокруг, вышел из скверика.)*

Через некоторое время с противоположной стороны появился ГРИША. Он нервно озирается, ОЛЕСЯ заметила его, улыбнулась. Убедившись, что поблизости никого нет, ГРИША подошел ближе. ОЛЕСЯ перестала улыбаться.

ГРИША. Чего рассвистелась-то? Делать больше нечего?! Я тебя хоть пальцем тронул? Скажи, тронул?

ОЛЕСЯ. Еще не хватало!

ГРИША. Тогда сиди и не пыли. Я на эту скамейку, между прочим, имею столько же прав, сколько и ты. Ясно? *(Подошел и сел рядом.)*

ОЛЕСЯ *(строго)*. Знаешь что. Сядь лучше туда.

ГРИША встал и пересел на другую скамейку. Некоторое время оба молчат. В сквер долетел откуда-то из-за платформы чуть сипловатый гудок маневрового тепловоза.

ОЛЕСЯ. А тобой милиционер интересовался.

ГРИША (*вздрыгнул, резко обернулся.*) Ну!

ОЛЕСЯ. Спрашивал, не видела ли я парня в клетчатой куртке.

ГРИША (*помедлив.*) И что ты ответила?

ОЛЕСЯ. Что никого не видела.

ГРИША (*недоверчиво.*) С чего бы это вдруг?

ОЛЕСЯ. Просто так. Захотелось посмотреть, вернешься ты или нет.

ГРИША. Ну, вернулся. Что дальше?

ОЛЕСЯ. Ничего. Сиди себе. Я тебе не мешаю.

ГРИША опять отвернулся. Потом посмотрел на свою куртку, встал, снял ее, вывернул наизнанку. Из клетчатой, коричневого цвета, она превратилась в желтую, довольно странного покроя. ОЛЕСЯ с интересом наблюдает за его манипуляциями. ГРИША надел куртку, пошевелил плечами, одернул рукава, опять сел на скамейку. ОЛЕСЯ засмеялась.

(*Весело.*) Лихо! Маскировка, да? Слушай, ты... вообще кто?

ГРИША. Сын обеспеченных родителей.

ОЛЕСЯ. Все?

ГРИША. Для меня достаточно. Выше головы.

ОЛЕСЯ. А почему от милиции бегаешь?

ГРИША. Не твоего ума дело. (*Помолчав.*) С милицией вообще лучше

не связываться.

ОЛЕСЯ. Можно подумать, ты — вор.

ГРИША (*невольно вздрогнул, оглянулся по сторонам. С вызовом*). Я и есть... вор!

ОЛЕСЯ. Настоящий?

ГРИША. Какой есть. (*Пауза*.) Меня милиция третью неделю по всей Москве ищет. Я квартиру ограбил.

ОЛЕСЯ (*заинтересованно*). Ой, правда? Расскажи...

ГРИША раздраженно отмахивается, отворачивается.

Я никому, честное слово. Зачем ты это сделал? Ради денег, да? Что, вот так, один, взял и ограбил, да?

ОЛЕСЯ со страхом и любопытством ждет. ГРИША повернулся, несколько секунд внимательно смотрел на нее. В его глазах мелькают веселые искорки.

ГРИША (*мрачно*). Трое нас было. Взяли мотор, шефу сотню в зубы, чтоб не протрепался. Подкатили к одному кооперативу в самом центре. Поднимаемся на седьмой этаж. Звоним. Открывает хозяин. Сразу видно, денег — куры не клюют. Мы ему. «Здрасьте! Мы — из Госстраха. Не хотите, ли застраховаться на случай ограбления?» «Нет, не хочу». Ну, не хочешь — как хочешь. Связали его и в туалет засунули. Обчистили всю квартиру, вещи прямо в окно кидали, таксист там ловил. И уехали.

ОЛЕСЯ напряженно молчит, ждет еще чего-то. ГРИША усмехнулся, вздохнул и отвернулся от нее.

ОЛЕСЯ (*разочарованно*). Все?

ГРИША. Чего еще-то?

ОЛЕСЯ. Врешь ты, вот что! (*Пауза*) Жалко. Никогда не видела настоящего вора. Живьем. Только в кино.

ГРИША. Не плачь, увидишь еще.

Где-то под самой крышей вокзала тревожно заворковали голуби. ГРИША посмотрел вверх. ОЛЕСЯ искоса поглядывала на Гришу. Чувствуется, что ей хочется его о чем-то спросить, но она не решается. Голуби под крышей затихли. ОЛЕСЯ слегка стукнула поводком по скамейке.

ОЛЕСЯ. Ты тоже поезд встречаешь, да?

ГРИША. Я? Нет. Я из дома ушел.

ОЛЕСЯ. И дурак?

ГРИША отвернулся от нее, оглядывается по сторонам.

Ушел — куда? (*Пауза*) Ну, ушел, и что дальше?

ГРИША. Ничего. В Прибалтику махну. Море, песок, сосны... И на мозги никто не капает.

На товарных путях за вокзалом начали формировать товарный состав. Лязгают буфера, урчит маневровый тепловоз.

ОЛЕСЯ. А-а... Деньги, значит, у меня на билет сшибал?

ГРИША. Нет. Билет у меня давно в кармане. Я... так.
(С надеждой.) Мне и надо-то всего... рубля три.

ОЛЕСЯ. Выпить хочешь, да?

ГРИША (удивленно). Сколько тебе лет?

ОЛЕСЯ. Двести.

ГРИША. Для своего возраста ты дьявольски проникательна.

ОЛЕСЯ отложила поводок, копается в сумочке.

ОЛЕСЯ (небрежно.) У меня как раз лишние три рубля завалялись. Держи! Только все равно ты ничего на них не купишь. Закрыто все.

ГРИША. Что, просто так отдаешь, и все?

ОЛЕСЯ. Дашь на дашь. Мне двушка нужна, позвонить. Я тебе — три рубля, ты мне — три двушки. Идет?

ГРИША. На таких условиях согласен меняться восемь раз на дню.

ОЛЕСЯ протянула ему три рубля. ГРИША выскреб из кармана всю мелочь, отсчитал ей несколько двушек, вложил в руку. ОЛЕСЯ встала, пошла к телефону-автомату. ГРИША тоже направился к выходу на перрон, он остановился.

ГРИША. Слушай, это. Все-таки, с какого перепугу ты мне трешник дала?

ОЛЕСЯ (из будки.) Что?

ГРИША. Ну, я говорю... Ты что, каждому встречному поперечному деньги раздаешь? Или по выбору?

ОЛЕСЯ. По выбору. У нас с тобой много общего. Топай!

ГРИША *(обрадованно.)* Ну-да! Что именно?

ОЛЕСЯ. Я тоже из дома ушла.

ГРИША. Правда? Слушай, а...

ОЛЕСЯ *(перебивает)*. Топай, давай, топай. Может, что достанешь. Мне позвонить надо.

ГРИША. Ладно, я сейчас. Мигом.

ОЛЕСЯ. Ага. Привет, привет!

ГРИША подходит к выходу на перрон, осторожно выглядывает наружу, ничего подозрительного не заметив, быстро выскальзывает из скверика. ОЛЕСЯ вертит диск телефона-автомата. Тот, как и в предыдущем случае, неожиданно глотает монету и молчит. ОЛЕСЯ стоит, что-то бормочет про себя, перекладывает в руках монетки. Потом, решившись, пробует еще. На этот раз автомат срабатывает.

ОЛЕСЯ *(в трубку, тихо.)* Алеша! Ты не спишь?... Говори шепотом, своих разбудишь... Нет, ничего не случилось. Я просто так звоню. Твой голос послушать... *(Долго молчит, слушает.)* Алеша! Ты помнишь, что ты мне сказал... тогда? Ну, тогда... когда! Повтори. Только тихо-тихо... *(Долго и серьезно слушает, чуть заметно улыбается. Потом вздыхает)*. Нет, ничего не случилось. Я тебе сейчас не могу рассказать. Потом, ладно? Ну... пока? Пока, пока! Я позвоню еще... потом. *(Вешает трубку.)*

ОЛЕСЯ вышла из будки. Медленно подошла к скамейке, села. В скверике появился ГРИША. Он опять часто оглядывается, старается не привлекать к себе внимания. ОЛЕСЯ увидела его, удивленно вскинула брови. ГРИША подошел к скамейке, поставил на нее две бутылки пива, сел, откинулся назад, облегченно выдохнул. ОЛЕСЯ нахмурилась.

ОЛЕСЯ. Я думала, ты не придешь больше.

ГРИША. Я сам так думал.

ГРИША заметил резкую перемену в ее настроении, слегка поежился. Напряженная пауза.

ОЛЕСЯ (*рассеянно*). Что же заставило тебя вернуться сюда?

ГРИША. Ты.

ОЛЕСЯ (*думая о чем-то своем*). Я?

ГРИША. Ну да. Мы же собратья по несчастью. Как-никак.

ОЛЕСЯ. Кто это тебе сказал?

ГРИША. Ты.

ОЛЕСЯ. Я? Когда?

ГРИША. Только что. Ты ведь тоже ушла из дома. Или я ослышался?

ОЛЕСЯ. Нет, ты не ослышался. Я действительно ушла из дома. Только для меня это совсем не несчастье. А даже наоборот. Это начало новой жизни..

ГРИША. Все так говорят. Я тоже, сколько раз из дома уходил, все новую жизнь начинал. Только эта новая еще хуже старой всегда оказывалась. А почему ушла?

ОЛЕСЯ (*вздыхнула*). Ты не поймешь.

ГРИША. Ну, не совсем уж я кретин.

ОЛЕСЯ колеблется, испытующе смотрит на него.

ОЛЕСЯ (*подумав*). Хотя все равно мы больше никогда не увидимся. Понимаешь... я ненавижу свою маму.

ОЛЕСЯ сказала это как-то совсем просто, по-детски. ГРИША удивленно хмыльнулся, поднял брови.

ГРИША. Как-то это у тебя странно звучит — «ненавижу», «маму»! Если уж ненавижу, то — мать, мачеху... Или там еще как-нибудь.

ОЛЕСЯ. Я говорила, не поймешь. Пей свое пиво. И топай.

ГРИША. Вторую я тебе купил.

ОЛЕСЯ (*удивленно*). Я не просила.

ГРИША. Не совсем уж я подонок. Что-то человеческое и во мне должно быть, верно? Вздогнули?

ОЛЕСЯ (*недоуменно*). Зачем?

ГРИША. Ну, в смысле... Давай пиво пить. (*Взял бутылку, пытается открыть ее об угол скамейки. Оглядывается, пробует открыть зубами.*)

ОЛЕСЯ (*испуганно*). Эй, эй! Ты что! Зубы испортишь. Дай сюда! (*ГРИША снисходительно посмотрел на нее.*) Дай сюда, говорю. (*Забрала у него бутылку. Достала из волос большую металлическую шпильку, ковырнула пробку и легко откупорила бутылку. Взяла вторую, откупорила тоже, протянула ее Грише. Шпильку*

опять вставила в волосы, вытерта горлышко своей бутылки.)

ГРИША. Лихо! Откуда такая практика?

ОЛЕСЯ. Папа научил. Мы с ним оба очень лимонад любим.

ГРИША. «Папа», «мама»... Слушай, ты что... совсем малолетка?

ОЛЕСЯ. Просто привыкла их так называть.

ГРИША. Сколько тебе лет?

ОЛЕСЯ. Я уже говорила. Двести. Пей пиво. Выдохнется.

ГРИША пожал плечами, пьет пиво. ОЛЕСЯ тоже осторожно отпивает из своей бутылки. Высоко-высоко в небе пролетел самолет. И снова над сквериком нависла тишина.

Все-таки лимонад лучше. Пиво — горькое.

ГРИША. Жизнь — вообще не очень сладкая штука. *(Пауза.)* Значит, ты тоже из дома сбежала? Действительно, совпадение. Ну, со мной-то все ясно. А ты — чего?

ОЛЕСЯ. Я ничего.

ГРИША. Почему сбежала?

ОЛЕСЯ. Не сбежала, а ушла.

ГРИША. Две большие разницы. Из-за собаки, что ли? *(С плохо скрытой иронией.)* Хотела заполучить друга, который не предаст, не ударит по больному, который всегда будет рад твоему приходу. Так?

ОЛЕСЯ. Нет, не так. Собака — последняя капля. Со-
всем не в ней дело. Хотя я действительно безумно люблю собак... *(На полуслове замолкает, задумывается.)*

ГРИША. Меня собаки вроде любят. Особенно бездомные. Наверное, у меня с ними много общего, потому что.

ОЛЕСЯ никак не реагирует на его шутку. Сосредоточенно

смотрит прямо перед собой, едва заметно шевелит губами.

Бутылку прижала к щеке, трется об нее, как кошка о спинку дивана. ГРИША осторожно кашлянул.

Слушай, это... Все-таки никак не возьму в толк. С какой радости ты мне три рубля отдала?

ОЛЕСЯ очнулась, отпила один глоток из бутылки.

ОЛЕСЯ *(раздраженно)*. У тебя закольцевало, да? Деньги, деньги...

ГРИША. Честно говоря, я просто так брякнул. На всякий-случай.

ОЛЕСЯ. Дала и... дала. Из чисто эгоистических соображений.

ГРИША. Пошла бы в буфет и разменяла.

ОЛЕСЯ. Деньги здесь ни при чем. У меня своя теория. Жить надо по принципу «дай на дай»?

ГРИША. Я тебе — три двушки, ты мне — целый трешник. Ничего себе! *(Прищурившись, улыбается.)* Скажи честно, я сразу тебе понравился.

ОЛЕСЯ (*поморщилась*). Господи! При чем здесь ты? Ты просто под руку подвернулся. Все люди живут по этому принципу.

ГРИША. Где это ты вычитала?

ОЛЕСЯ. Сама дошла. Своим умом. (*Отпила еще немного из бутылки.*) В жизни, в общем-то, все просто. Сколько ты сделаешь зла, столько и тебе пакостей преподнесут. Сколько ты добра, столько и тебе. Дашь на дашь. В жизни все уравновешенно, гармонично...

ГРИША, улыбаясь, помотал головой, поцокал языком.

ГРИША. Что-то в твоей этой теории, того... Концы с концами не очень сходятся.

ОЛЕСЯ. Не волнуйся, все, что надо, сходится.

ГРИША (*насмешливо*) «Ты — мне, я — тебе». Всем все поровну. Так не бывает, девочка.

ОЛЕСЯ. Я не говорила, что поровну. Зла всегда возвращается больше, чем ты сделала. А добра — меньше. Не знаю — почему, но это так. Для равновесия, наверное.

ГРИША. Нет, чего-то ты тут... напридумала.

ОЛЕСЯ (*убежденно*). Ничего я не придумывала. Это жизнь. Посмотри вокруг, посмотри! Вспомни, что вчера было, что — год назад, а что — десять лет! И сам поймешь, что будет завтра.

ГРИША. Странная ты какая-то... Ты, случайно, не того? (*Повертел пальцем у виска.*) Извини, конечно.

ОЛЕСЯ взглянула на него, на секунду задумалась.

ОЛЕСЯ (*просто и серьезно*). Нет, не того.

ГРИША. Ну и что у меня будет завтра? По твоей теории.

ОЛЕСЯ. У тебя — не знаю. Это ты сам должен разобраться. А у меня с завтрашнего дня начинается новая жизнь. Вернее, даже уже с сегодняшнего. (*Посмотрела на часы.*) Через час.

ГРИША. Встречаешь кого?

ОЛЕСЯ. Ага. Вот только поезд, обидно, опаздывает. Впрочем, это тоже естественно.

ГРИША (*осторожно*). И кого ты встречаешь?

ОЛЕСЯ. Папу.

ГРИША (*разочарованно*). А-а... Я думал... (*Па у з а.*)
Погоди, ты ведь сказала, что ушла из дома. А встречаешь отца.

ОЛЕСЯ. Он не живет с нами. Уже четыре года скоро.

ГРИША. Ясненько! (*Ухмыляясь.*) Значит, маму ты ненавидишь, а папу обожаешь. А они, бедняги, не сошлись характерами.

ОЛЕСЯ. Да, именно так. Только не надо со мной разговаривать таким тоном.

ГРИША. А папа с тобой другим тоном разговаривает?

ОЛЕСЯ. Другим. Пей свое пиво и помалкивай!

Молчание. Каждый отпивает по глотку из своей бутылки. Под крышей вокзала опять заворковали голуби.

(Неожиданно.) В детстве, когда меня спрашивали, за кого я выйду замуж, когда вырасту, я всегда отвечала: «За папу!». Я и действительно вышла бы за него замуж. Если бы он не был моим отцом.

ГРИША. Эдипов комплекс, да?

ОЛЕСЯ *(раздраженно)*. Слушай, ты если чего не понимаешь, лучше молчи! Сиди и молчи. И не пытайся показаться умнее, чем ты есть на самом деле. Понял?

ГРИША смутился, неловко поерзал на скамейке, пожал плечами, вздохнул. Потом глотнул еще из бутылки.

А потом, когда детство кончилось...

ГРИША. Прости. Сколько тебе было, когда оно кончилось?

ОЛЕСЯ. Двенадцать.

ГРИША. Ого! *(Усмехаясь.)* Жертва пресловутой акселерации! И ты подвержена этому всеобщему заблуждению?

ОЛЕСЯ *(резко, почти зло)*. Слушай, ты... Ты нормально разговаривать умеешь? Или разучился? А может, вообще никогда и не умел? Без кривляния и этих идиотских ухмылок можешь говорить, нормально? Понимаешь, нор-маль-но! Чего ты тут передо мной разыгрываешь! Я ведь тебе никто. И ты для меня — пустое место! Я и говорю-то с тобой только потому, что больше не с кем. Ты для меня вроде собаки, понял? *(Почти кричит.)* И знай свое место!

ГРИША ошарашен таким яростным напором. Он явно не привык, чтобы с ним так разговаривали. Несколько секунд он молчит, потом изумленно, как бы заново начинает рассматривать Олесю. ОЛЕСЯ, напротив, даже не поворачивает головы в его сторону, смотрит прямо перед собой.

(Задумчиво.) Раньше люди в церковь ходили, чтобы выговориться, очиститься... Теперь собак заводят, телевизоры. Или совсем с незнакомыми откровенничают. Так что сиди и молчи. Понял?

ГРИША растерянно и чуть заискивающе улыбается.

ГРИША. Ну, ты... даешь! (Пауза.) Сплошной металл в голосе. У тебя папа, случайно, не прокурором работает?

ОЛЕСЯ. Нет, а что?

ГРИША. Да так. Замашки у тебя какие-то... прокурорские!

ОЛЕСЯ. Мой папа работает инженером. Обыкновенным инженером на обыкновенном заводе. (Настороженно.) А ты откуда знаешь, какие бывают прокуроры? Что, приходилось сталкиваться?

ГРИША. Скоро придется. Это точно.

ГРИША сказал это очень тихо и очень искренне. Просто и даже как-то... с грустью. ОЛЕСЯ повернулась к нему всем телом, бутылку отставила в сторону.

Я ведь... не трепался, когда сказал, что квартиру ограбил.

ОЛЕСЯ, широко раскрыв глаза, смотрит на него. В ее глазах и страх, и удивление, и любопытство — все сразу.

ОЛЕСЯ. И тебя действительно милиция разыскивает?

ГРИША жалко улыбается, кивнул и отвернулся.

(Тихо.) Бедный... Это потому ты от каждого куста шарахаешься. Я и не знала. Ты прости, что я накричала на тебя...

ГРИША. Не надо меня жалеть. Сам как-нибудь разберусь.

ОЛЕСЯ молчит, напряженно думает о чем-то.

ОЛЕСЯ (решительно). Знаешь! Ты мне лучше ничего не рассказывай. Все равно правду не скажешь... Самому только противно будет.

ГРИША. Это почему не скажу?

ОЛЕСЯ. Ну... говорить правду, всю до конца, так чтобы не обидеть никого и личной выгоды для себя не иметь, это — дар. Талант, если хочешь знать. Это трудно. Не каждый умеет. Я в себе сколько лет это вырабатываю, не очень получается. Вот папа, он умеет. Всегда умел... (Вспомнив что-то, рассеянно замолкает.)

Со стороны платформы послышался смех. Кто-то включил транзистор. В скверик доносится веселая мелодия. Три гитариста и ударник выжимают из своих инструментов все возможное, отчего тонкая мелодия приобретает чуть разухабистый характер ресторанной атмосферы. ГРИША тревожно вслушивается в нее. ОЛЕСЯ вся погружена в себя.

(Резко вскинув голову.) Когда мне было семь лет, я тяжело заболела. Очень тяжело. Вспоминать... и то страшно. Лежала в больнице. Все меня успокаивали. Говорили — ничего, скоро все пройдет, ты поправишься, потерпи... А мне становилось все хуже и хуже... Я уже и разговаривать даже не могла. Только папа, один только он, сказал правду. Взял меня за руку и сказал: «Дочь! Ты у меня совсем взрослая. Все понимаешь. Сейчас все зависит только от тебя самой. Если ты соберешь все силы, если очень-очень захочешь, ты поправишься. А если нет... ты заснешь и никогда не проснешься». А потом он двое суток сидел у постели, держал меня за руку и все говорил, говорил, говорил. Только чтобы я не заснула... двое суток! А когда кризис миновал, он вышел в коридор и упал в обморок. *(Долго молчала.)* И живу я только потому, что он мне тогда сказал правду.

Гитаристы и ударник закончили тему. Из транзистора несетя одобрительный свист, топот. И почти сразу вступает трубач. Он тихо, едва слышно, выводит замысловатые пассажи, и, кажется, будто где-то далеко, на пустынном пляже, на берег набегают волны. Лениво и спокойно. И в этот момент там,

на платформе, повернули ручку транзистора на другую волну. Треск, писк, затем все смолкло. ГРИША и ОЛЕСЯ отпили по глотку пива из бутылок.

ГРИША (*неожиданно зло*). Слушай, а тебе не противно?

ОЛЕСЯ. Что?

ГРИША. Ну вот... сидеть рядом со мной. На одной скамейке.

ОЛЕСЯ. С чего ты взял?

ГРИША. Я же вор! Понимаешь ты — вор!

ОЛЕСЯ. Не кричи. Откуда я знаю, почему ты это сделал? Может, у тебя были на то свои причины.

ГРИША. Правда?

ГРИША пристально, испытующе смотрит на нее.

ОЛЕСЯ (*спокойно*). Правда. Было бы противно, я бы встала и ушла.

ГРИША незаметно для нее облегченно вздыхает, откидывается назад. Но волнение его еще не прошло.

ГРИША. А мне все кажется, что от меня каждый прохожий в сторону норовит свернуть, будто я прокаженный. (*Пауза*). Скажи, только честно, я похож на вора?

ОЛЕСЯ. Думаешь, на него кто-нибудь похож?

ГРИША. Вообще-то, конечно... (*Упрямо*). А так, внешне по мне ничего не заметно?

ОЛЕСЯ. Вроде нет. Глаза только бегают. И весь ты какой-то вздрюченный. А так, если ничего не знать, ничего не видно.

ГРИША допил свою бутылку пива, посмотрел ее на свет и зашвырнул за спину, далеко в кусты. Достал из кармана пачку сигарет, спички, жадно закурил.

ГРИША. В древности жуликам клеймо ставили на лбу. Чтоб все видели, с кем имеют дело. *(Неожиданно, со злой иронией.)* А твой папа, говоришь, всю жизнь только правду-матку в глаза режет?

ОЛЕСЯ слегка передернулась от его тона.

ОЛЕСЯ *(сухо)*. Да.

ГРИША. Всегда-всегда?

ОЛЕСЯ. Я уже сказала. Не веришь — не надо. Твое дело.

ГРИША. Я что, я — ничего. Его бы с моими предками познакомить. Вот цирк-то был бы! Те, по-моему, наоборот, за всю жизнь ни одного слова правды не сказали. Интересно, нашли бы они общий язык? Как ты думаешь?

ОЛЕСЯ пожала плечами. ГРИША неожиданно резко обернулся, привстал, всматривается в сторону. Потом быстро приседает рядом со скамейкой и, не выпрямляясь, начинает отходить налево, скрывается в кустах. Почти сразу же в скверике появился МИЛИЦИОНЕР. Он спокойно, но чуть быстрее, чем раньше,

пересекает скверик, исчезает в кустах, где только, что скрылся Гриша. ОЛЕСЯ, привстав на скамейке, с тревогой смотрит ему вслед. Резко взвизгнули тормоза. На вокзальной площади явно затормозила машина такси. Тишина. ОЛЕСЯ, спохватившись, схватила со скамейки бутылку пива, вылила из нее все оставшееся на газон, ищет глазами, куда бы ее спрятать. Ничего не придумав, запихивает ее под скамейку. Усаживается в прежней позе, вертит в руках поводок с ошейником, поглядывает на часы. В скверике опять появился МИЛИЦИОНЕР. Он, не торопясь, подошел к скамейке.

МИЛИЦИОНЕР. Не возражаете?

ОЛЕСЯ улыбнулась, пожала плечами. МИЛИЦИОНЕР сдул со скамейки невидимые пылинки, присел рядом.

(С неловкостью.) Погода чудесная, правда?

ОЛЕСЯ *(не зная, что ответить)*. Да-а.

На путях за вокзалом неразборчиво гремит динамик. Ясно, что кого-то вызывают на связь. Срочно, немедленно.

МИЛИЦИОНЕР. Вы в Прибалтике никогда не бывали?

ОЛЕСЯ. Нет, не приходилось.

МИЛИЦИОНЕР. Мне тоже не пришлось. Там, говорят, янтарь прямо на пляже под ногами лежит.

ОЛЕСЯ. Да, я слышала.

МИЛИЦИОНЕР (*неожиданно*). А парнишка, говорите, не появлялся?

ОЛЕСЯ. Парнишка? Какой парнишка?

МИЛИЦИОНЕР. Лохматый. В клетчатой куртке.

ОЛЕСЯ (*решительно*). В клетчатой куртке — нет. Не появлялся. А он что-то серьезное натворил?

МИЛИЦИОНЕР сделал какую-то неопределенную гримасу.

МИЛИЦИОНЕР (*улыбнувшись*). Это хорошо, что вы собак любите. Иной раз такое видеть приходится. Помоему, если человек не любит животных, он и людей не любит. (*Пауза*.) Эх, какая у меня собака была. Вы бы видели. Челкаш звали. Я на границе служил.

На путях за вокзалом настойчиво гремит динамик. Слов совсем не разобрать. Только эхо - волнами ударяется в стены вокзала, в вагоны на запасных путях.

ОЛЕСЯ (*тревожно*). А где он сейчас, Челкаш?

МИЛИЦИОНЕР. Убили его. Я ведь на границе служил. (*Грустно замолчал.*) Такого пса у меня больше не будет. Он с взгляда меня понимал. Я только посмотрю на него вот так, (*Показывает, как он смотрел*), а он уже знает, что я имею в виду. (*Застенчиво улыбается.*) Смешно сказать, самый близкий мне человек был. Чел-

каш. А вот убили его, а я здесь. *(Подтянулся, поправил на голове фуражку.)* Я, собственно, что... Поезд ваш, рижский, скоро прибудет. Только что сообщили. *(Посмотрел на часы.)* Минут через двадцать пять. Максимум тридцать. Счастливо встретить!

МИЛИЦИОНЕР встал, одернул китель, еще раз поправил на голове фуражку. Осмотрелся по сторонам.

Будете выбирать щенка, смотрите на лапы. Лапы — это самое главное.

МИЛИЦИОНЕР козырнул и вышел из скверика. Как только он скрылся из виду, *ОЛЕСЯ* вскочила со скамейки и подбежала к выходу налево, где скрылся Гриша. *ГРИША* появляется в скверике совсем с другой стороны. Он тяжело дышит, нервно усмехается, утирает пот со лба. *ОЛЕСЯ* быстро идет к нему навстречу, оба встречаются перед скамейкой.

ГРИША. Ну что? Про меня спрашивал, да?

ОЛЕСЯ. Нет. Совсем нет. Сказал, что поезд скоро придет. Мой.

ГРИША. Врешь! По глазам вижу.

ОЛЕСЯ. Ничего я не вру! Про тебя и слова не было сказано, ясно?

ГРИША. Ты не злись. Я тебе сейчас все расскажу. Все равно мы больше никогда не увидимся. У меня тоже поезд скоро. Через два часа. Кому-то надо рассказать. Я сейчас, ты только свисток отдай мне.

ОЛЕСЯ. Зачем? Ты мне не веришь?

ГРИША. Верю. Но я боюсь. Так будет лучше. Спокойнее. Отдай. Я тебе потом его верну. Честное слово.

ОЛЕСЯ. Хорошо. На! (Достала из сумочки свисток, протянула ему. ГРИША сунул свисток в карман, оглядывается.) Да ты сядь, сядь.

ГРИША. Ничего, я постою. Мне так удобнее. Это ты — сядь.

ОЛЕСЯ села на скамейку, повернулась к нему. В ее позе жалость, сострадание, страх и нетерпение. ГРИША говорит быстро, часто сбивается, тяжело дышит. Оглядывается по сторонам, повторяет одно и то же несколько раз.

ГРИША. Понимаешь, я проиграл. У нас игра такая. Жестокий спор. Кидаем монету, кому выпадет, тот должен спорить — на что угодно! На что угодно, понимаешь? На что тебе предложат. И если проиграешь, должен выполнить. Кому что выпадет. Кому с девчонкой из соседнего подъезда справиться, кому насшибать у прохожих сто сигарет с фильтром. Ну, мне везло все как-то раньше. Шуточками отделявался. А тут выпало мне спорить. Ну, и один там, тебе его имя ничего не скажет. Да и есть ли оно у него? Он намного старше всех нас. Сидел даже, по-моему. Так вот. Он со мной поспорил на ограбление квартиры. Если мне, говорит, выпадет, то я пойду. Если ты, то ты. Ну и проиграл я...

ОЛЕСЯ (*потрясенно*). Надо было отказаться!

ГРИША (*махнул рукой*). А-а! Куда там! А дальше совсем просто. Он мне квартиру одну указал. Там пенсио-

неры какие-то жили. Я дом-то этот один раз в жизни видел. Только тогда. Он совсем в другом районе находится. Старый такой. А дверь у них на соплях держится. На честном слове. И полная квартира канареек! Можешь себе представить, цветные канарейки Желтые, синие, красные... разные. Я и не знал, что такие бывают, что они — ценность большая. А тот, которому я проиграл, разбирается...

ГРИША некоторое время молчит, переводит дыхание.

Ну, я заметил, что они всегда после обеда в парк гулять уходят. Ну и пошел. Плечом дверь двинул один раз, замок и вылетел. Я зашел. Схватил несколько штук, из клеток прямо без разбора. И бежать. Отдал ему, он в кафе напротив ждал. А он говорит — мало. Это не ограбление, а так - детский лепет на лужайке! Иди, говорит, еще. Пришлось возвращаться. *(Почти со слезами в голосе.)* На всю жизнь эту дорогу обратно запомню! Как меня никто не задержал?! Взял я еще несколько штук, самых красивых, чтоб он подавился ими, канарейками этими!.. Вышел во двор и стою как дурак. С места сдвинуться не могу. А во дворе — никого. Тишина, жарко. Будто весь город вымер. *(Долго молчал.)* Вот и все. И не видел меня никто.

ГРИША выпустил из-под ремня рубашку, одним концом ее вытер себе лицо, заправил рубашку обратно. Видно, что он почувствовал пустоту и облегчение. Но вид у него растерянный и жалкий.

ОЛЕСЯ. Что ты теперь делать будешь?

ГРИША. Не знаю, не знаю... Ничего не знаю. Канарейки больших денег стоят. Ищут меня, наверное. Охх!.. А я в Прибалтику махну. Билет вон в кармане. Лето как-нибудь, а потом осенью в армию мне. *(Тихо, с надеждой.)* Может, и не будет ничего, а?.. Может, все обойдется как-нибудь...

ОЛЕСЯ *(с сомнением покачала головой.)* Нет. Не обойдется. Так не бывает.

ГРИША *(грустно усмехнулся)*. По твоей теории? Да, не обойдется. Дашь на дашь. Зла возвращается больше, чем сделал ты, верно?

ОЛЕСЯ и ГРИША долго молчат, не смотрят друг на друга. Со стороны вокзала доносится смех, переборы гитары.

ОЛЕСЯ. Слушай, а где прятался? Он ведь тебя, наверное, искал, милиционер.

ГРИША. В женском туалете. Самое надежное место. Уж туда-то он не сунется.

ОЛЕСЯ смутилась, покраснела.

ОЛЕСЯ. Вот дурак! Хорошо, сейчас народа мало. А если зашла какая-нибудь женщина? Что тогда?

ГРИША. Не зашла бы. На двери там объявление: «Не работает!» А дверь совершенно спокойно открывается. Не будет же он в женский туалет заглядывать.

ОЛЕСЯ и ГРИША засмеялись каким-то нервным, тревожным смехом. Так смеются только после тяжелой физической работы, когда уже почти нет сил сдвинуться с места.

ОЛЕСЯ (задыхаясь). Все равно дурак! Нашел тоже место!

Оба прекратили смеяться так же резко, как и начали. Со стороны вокзала все громче и громче переборы гитары.

ГРИША. Ты никогда о смерти не задумывалась?

Резкий гитарный аккорд. Пауза. Тишина.

ОЛЕСЯ (тревожно). Да ты что?! Вот дурак!

ГРИША (с виноватой улыбкой). Я и сам не хочу, только почему-то эти мысли в голову лезут. А как из дому ушел, вообще только одно слою и вертится в мозгах - «Застрелился он!».

ОЛЕСЯ вздрогнула, напряглась. Со стороны вокзала тихий перебор гитары, высокий мальчишеский голос запел песню. Какую-то сентиментальную подделку под старинный романс.

(Продолжает.) Ты не бойся, я сам на это дело смотрю как бы со стороны. Наблюдаю. Глупость, конечно. Смешно. Хожу по улицам и спрягаю, спрягаю - «Ты застрелился, он застрелился, мы застрелились, они за-

стрелились»! Идиотизм какой-то! Я ведь и ружья-то сроду в руках не держал. Только в тире.

ОЛЕСЯ. Погоди, погоди. А родители? Они знают? Ты сказал им?

ГРИША. Еще чего! Мне только этой радости недоставало. Им на меня наплевать, они это называют — «доверять». Вообще-то конечно. Если все рассказать отцу... (С безнадежным смешком.)... выручит. Это точно. У него связи — дай бог!

ОЛЕСЯ (поспешно). Так за чем дело встало?

ГРИША. Унижаться не хочется, старуха! Унижаться.

Со стороны привокзальной площади слышен резкий визг тормозов. Мягко хлопнула дверца машины, торопливый стук каблучков по асфальту. В скверике появилась ШУБИНА, мать Олеси. Это молодая, довольно красивая женщина. Тридцать шесть лет. Белые с серебристым отливом волосы, белые расклеванные брюки, белая сумка, ярко-красный жакет. Она резка в движениях, категорична в суждениях, противоречива во взглядах. За всем этим чувствуется огромная неуверенность в себе. В сущности, она — несчастная женщина, бестолково растратившая молодость, способности, чувства. ШУБИНА оглянулась по сторонам, заметила Олесю, решительно подошла, но не села. Осталась стоять.

ШУБИНА. Что ты здесь делаешь, позволь узнать?

Гриша неловко потоптался на месте, отошел в сторону. ОЛЕСЯ молчит, смотрит прямо перед собой.

(Резко.) Я жду!

ОЛЕСЯ. Я тоже. *(С ударением.)* Жду.

ШУБИНА. Кого, если не секрет?

ОЛЕСЯ. Не задавай глупых вопросов. Папу, естественно. Кого еще.

ШУБИНА *(зло)*. Он не приедет.

ОЛЕСЯ. Приедет. Я еще утром отправила ему телеграмму.

ШУБИНА. Нет, не приедет.

ОЛЕСЯ *(как маленькому ребенку)*. Мы договорились три года назад. Если что случится, и посылаю телеграмму. Он все бросает, и мы встречаемся на вокзале. *(Посмотрела на часы.)* Через двадцать минутой будет здесь. Можешь подождать и убедиться. Правда, я не думаю, что ему будет приятно тебя видеть.

ШУБИНА резко повернулась к Грише.

ШУБИНА. Молодой человек! Вас не затруднит отойти куда-нибудь подальше? Неужели не видно, вы мешаете!

ГРИША. Извините.

ШУБИНА. Будьте так добры!

ГРИША, пятясь, отходит к будке телефона-автомата, закрывает за собой дверцу, делает вид, что собирается звонить.

(Повернувшись к Олесе.) Кто это?

ОЛЕСЯ. Так. Одни несчастный парень.

ШУБИНА. Вы знакомы?

ОЛЕСЯ. Какое это имеет значение. Для тебя.

ШУБИНА. Едва знакомы, а ты его уже жалеешь! Мать бы свою пожалела. Спрашивается, чего ты тут сидишь? Ты знаешь, кто по ночам отирается на вокзалах?

ОЛЕСЯ. Просвети.

ШУБИНА. Не смей разговаривать со мной таким тоном! Неприлично девушке в твоём возрасте торчать на вокзале!

ОЛЕСЯ. А где мне торчать, если у меня нет своего дома?

ШУБИНА Ты отдаешь себе отчет, что говоришь? Хоть на секунду задумайся, что ты говоришь!

ОЛЕСЯ. У меня нет дома. И ты это прекрасно знаешь.

ШУБИНА. Чушь собачья! А наша новая трехкомнатная квартира — это что, по-твоему? Мираж, иллюзия? Думаешь, мне все это надо. Я копила на этот кооператив только для тебя. Умру — квартира останется тебе. Я уже написала завещание.

ОЛЕСЯ (*недовольно поморщилась.*) Давай на сегодня обойдемся без завещаний. Надоело дома выслушивать твои исповеди. (*Помолчав.*) В той квартире для меня не нашлось даже маленького угла. У меня нет дома. Уже три года.

ШУБИНА. Вот как!

ОЛЕСЯ. Да. С тех пор как от нас уехал папа.

ШУБИНА усмехнулась, достала из сумочки цветной платок, аккуратно постелила на скамейку, осторожно присела.

ШУБИНА (*переменив тон*). А что, собственно, случилось?

ОЛЕСЯ. Ничего.

ШУБИНА. Все потому, что мы с Володей не разрешили тебе держать в квартире щенка?

ОЛЕСЯ. Нет.

ШУБИНА. Тогда не понимаю. Потому что я переставила в твоей комнате мебель? Выкинула твои идиотские рисунки?

ОЛЕСЯ. Вовсе нет. Рисунки тут ни при чем. Я сама собиралась их выбросить.

ШУБИНА. А-а... Понимаю Все дело в Володе.

ОЛЕСЯ. Оставь меня в покое.

ШУБИНА (*снисходительно улыбаясь*). Ты прямо возненавидела его с первой минуты. Как только он переступил порог нашей квартиры. Я прекрасно помню, как ты скривила губы и ушла в свою комнату. И даже не поздоровалась. Чем он тебя не устраивает? Сама не знаешь.

ОЛЕСЯ с жалостью смотрит на нее, молчит.

(*Оправдываясь.*) Да, конечно, он не ангел. Но я за ним как за каменной стеной. Пойми, женщине в моем возрасте нужен человек, на которого можно опереться в трудную минуту. (*Резко.*) На твоего отца разве обопрешься? Ему самому подпорки нужны были. Каждый

день, каждую секунду. А Володя! Да, согласна, он далеко не ангел. Во всех отношениях. Но он добрый, в этом-то ты не можешь ему отказать? И к тебе относится как к родной дочери.

ОЛЕСЯ (*с горечью*). Теперь это так называется.

ШУБИНА. Я дала себе слово не упрашивать тебя.

ОЛЕСЯ. Сдержи его. Встань и иди. Тем более, он наверняка ждет тебя в машине.

ШУБИНА. Он действительно сидит в машине. И очень переживает. Тебе это покажется странным, глупым, но это так.

ОЛЕСЯ (*зло*). Могу себе представить. Не плачет?

ШУБИНА. Не заставляй меня унижаться. Господи! Неужели все из-за этого дурацкого щенка? Если бы я знала! Хорошо, делай что хочешь. Заводи трех щенков, если тебе хочется. Я больше слова не скажу. Ну, не упрямясь. Вставай, поедem домой. Не понимаю, чего ты хочешь? Чтобы я собрала его вещи и выставила на улицу? А сама записалась в монашки?

ОЛЕСЯ передернула плечами, будто от холода.

ОЛЕСЯ. Какой смысл? Через месяц появится другой «дядя Володя» Никто не толкает тебя в монастырь. Оставь меня в покое, это единственное, о чем я тебя прошу. (*Светло улыбнувшись.*) Сейчас приедет папа. Он меня поймет и заберет с собой. Так будет лучше для всех нас. (*Рассудительно.*) Изредка мы будем встречаться, если хочешь. Ты можешь приезжать к нам в гости. Или мы будем навещать тебя.

ШУБИНА. Он не приедет, пойми!

ОЛЕСЯ (*с грустной усмешкой*). Мне жалко тебя, мама. Он приедет. (*Посмотрела на часы.*) Через пятнадцать минут. Он сойдет с поезда со своим кожаным портфелем, поправит очки на переносице и скажет: «Ну! Мы, кажется, опять в меланхолии?» (*Улыбается.*) Я все знаю наперед. Ты не волнуйся, я ничего ему не буду рассказывать. Как мы тут жили без него и вообще. В этом нет необходимости.

Со стороны привокзальной площади гудок машины.

Иди, мама. Тебя ждет твой Володя.

ШУБИНА. Ты эгоистка. Черствая и бессердечная. Володя не потакает твоим капризам, за это ты ненавидишь его.

ОЛЕСЯ. Ты ничего не понимаешь, ничего не видишь. Видишь только то, что тебе хочется. Я не его ненавижу. Он для меня — ноль, никто. Дырка от бублика. Я ненавижу тебя, мама.

Со стороны привокзальной площади опять гудок машины. Резкий, требовательный, настойчивый. ШУБИНА удивленно повернулась к Олесе, сверлит ее глазами.

ШУБИНА (*сдерживаясь*). Ты — глупая, капризная девчонка. Иногда я жалею, что не била тебя в детстве. Другая бы мать отшлепала по щекам за такие слова. А я терпела. И вот — пожалуйста, плоды!

ОЛЕСЯ (*не слушая ее*). Ты предала папу.

ШУБИНА судорожно открыла сумочку, достала пачку сигарет, закурила. Быстро и неумело пускает в сторону дым.

ШУБИНА. Что ты понимаешь в этом, девчонка! Нахватаешься слов из журнала «Иностранная литература» и болтаешь их как сорока. К месту и не к месту.

ОЛЕСЯ. Ты предала его, когда согласилась выйти за него замуж.

ШУБИНА. Господи! Это бред какой-то!

ОЛЕСЯ. А потом всю жизнь мстила ему за то, что он не такой, как все.

ШУБИНА бросила сигарету, затоптала ее.

ШУБИНА. Ну, ладно! Хватит этих словесных головоломок! Тебя не переговоришь. Пошли домой. *(Встала, поправила на себе жакет.)*

ОЛЕСЯ, молча, достала из сумочки сигарету, зажигалку, закурила. Пачку и зажигалку спрятала обратно. ШУБИНА подошла к ней вплотную, выбила из рук сигарету и залепила ей пощечину. ОЛЕСЯ закрыла лицо руками.

ШУБИНА. Кто тебе позволил курить? Сейчас же отдай сигареты!

ШУБИНА вырвала у нее сумку, перетряхивает содержимое. Пачку и зажигалку перекладывает в свою сумку. ОЛЕСЯ медленно отводит руки от лица.

ОЛЕСЯ (*тихо, потрясенно*). Ты ударила меня?!

ШУБИНА. Жалею, что не делала этого раньше. Слов ты, как видно, не понимаешь!

ОЛЕСЯ. Ты ударила меня!

ШУБИНА. Немедленно домой!

ОЛЕСЯ не двигается с места. Она словно оцепенела.

(*Беспомощным тоном, почти плача.*) Я... я приказываю тебе!!!

ШУБИНА не выдержала и расплакалась. Из ее глаз потоком брызнули слезы, с ресниц капает краска. Она поспешно вытирает их, откинув голову назад, промокает платком.

(*Сквозь слезы.*) Хорошо. Оставайся. Сиди и жди! Он не придет. Он... он не может приехать! Может быть, хоть это чему-то научит тебя!

ШУБИНА отошла на несколько шагов, обернулась.

Жди! Пусть это послужит тебе хорошим уроком!

ШУБИНА быстро выбежала из скверика. Торопливый стук каблуков по асфальту. Мягко хлопнула

дверца, шум отъезжающей машины. Из булки телефона-автомата вышел ГРИША, осторожно подсел на скамейку. ОЛЕСЯ сидит в прежней позе, лицо ее словно окаменело, глаза широко раскрыты.

ГРИША. Слушай, это тебя как зовут?

ОЛЕСЯ. Что? Зачем тебе?

ГРИША. Ну как. Мало ли... Вдруг еще когда встретимся. Чего в жизни не бывает.

ОЛЕСЯ. Маловероятно.

ГРИША (*мрачно*). Не хочешь — как хочешь. А меня зовут Гриша. Григорий, так сказать.

Молчание. На запасных путях урчит маневровый тепловоз. Лязг буферов, визг колес о рельсы, свистки сцепщиков.

ОЛЕСЯ (*тихо*). Олеся.

ГРИША. Это отец так назвал, да?

ОЛЕСЯ. Конечно. Кто еще.

ОЛЕСЯ встряхнула головой, судорожно поправляет волосы, пытается привести себя в порядок.

(Почти про себя.) Все, все, все... *(Глубоко вздохнув).* Он не должен видеть меня такой. Он будет расстраиваться.

ОЛЕСЯ еще раз судорожно всхлипнула и неожиданно заплакала. Открыв рот, глотает воздух, но ус-

покоиться не может. ГРИША сначала отвернулся, потом придвинулся чуть ближе, дотронулся рукой до ее плеча, неловко погладил.

ГРИША. Ну, это... ты кончай. Не могу, когда женщины плачут.

ГРИША придвинулся еще ближе, обнял ее за плечи. ОЛЕСЯ на секунду замерла, потом резко стряхнула его руку.

ОЛЕСЯ. Не трогай меня!

ГРИША вздрогнул, будто его ударили по щеке. Несколько секунд он растерянно улыбался, потом лицо его потемнело. Резко отодвинулся на самый край скамейки.

ГРИША (*зло*). Я тебе противен да?! Ну конечно Я же - вор!

ОЛЕСЯ (*поспешно*). Нет, нет. Совсем не потому. Ты не обижайся, я не то имела в виду. Просто я не могу, когда меня касаются.

ГРИША недоверчиво со злой гримасой отвернулся.

Правда, правда. Ты, наверное, все слышал про нас с матерью. Я скажу. Просто. Вчера ее не было дома. Так вот этот... Володя... он начал ко мне приставать...

ГРИША резко повернулся к ней.

ГРИША. Ну, а ты-то что?!

ОЛЕСЯ (*зло*). Ничего. Отбивалась. Всю морду ему каблуком разбила. И ушла из дома.

ОЛЕСЯ, продолжая всхлипывать, достала из сумочки платок, вытирает слезы, поправляет волосы.

ГРИША. Да-а Веселая у тебя семейка!

ОЛЕСЯ повернулась к нему, виновато улыбнулась, пожала плечами, опять отвернулась, копается в сумочке.

(*Неожиданно.*) Ну, а вообще теоретически, так сказать, ты могла бы выйти за меня замуж? Любить. (*Поспешно.*) Ты не подумай, что я подъезжаю издалека. Просто, честно говоря, я очень неуверенный в себе человек. Это внешне такой... А внутри...

ОЛЕСЯ. Полюбить тебя? (*Помолчав.*) Нет.

ГРИША. Почему, интересно знать?

ОЛЕСЯ уже совсем успокоилась. К ней вернулась ее прежняя сдержанность и собранность.

ОЛЕСЯ. Ты только не обижайся. Ты неглупый, добрый...

ГРИША (*резко перебивая*). Добрый, добрый! Я такой добрый! (*Насмешливо.*) Скоро этим стану с крыльшками...

ОЛЕСЯ (*невольно улыбнувшись*). Воробьем?

ГРИША. Ангелом! Воробьем. Скажи еще — голубем мира.

ОЛЕСЯ. Да нет. Не в этом дело. Я научилась разбираться в людях. С некоторых пор. Ты — добрый, это точно...

ГРИША. Договаривай, раз начала! Ну!

ОЛЕСЯ. Понимаешь, в тебе нет... музыки!

Само это слово - «музыка» - ОЛЕСЯ произносит с трепетом и осторожностью, отчего оно приобретает какой-то особый, неповторимый, чуть загадочный смысл. ГРИША невольно заражается ее волнением. Несколько секунд он молчит, пытается, как всегда, ухмыльнуться, потом хмурится.

ГРИША (*растягивая по слогам*). Му-зы-ки?!

ОЛЕСЯ (*убежденно*). Да. Понимаешь, в каждом человеке должна звучать музыка! всю его жизнь. И во многих она звучит, я слышу. А в некоторых ее нет. Не знаю — почему, но это так.

ГРИША. А в тебе она есть - музыка?

ОЛЕСЯ. Есть. Я ее каждую секунду слышу. Даже когда сплю. Я не могу рассказать, какая она именно - музыка. Она всегда разная. Но во мне она есть. (*П а у з а.*) Если она кончится, я умру.

ГРИША долго молчал. Достал из кармана сигарету, размял ее, повертел в руках и выбросил через плечо.

ГРИША. А во мне, значит, нет?

ОЛЕСЯ (*просто*). В тебе — нет.

ГРИША закинул голову, посмотрел на небо.

ГРИША А в том милиционере, который приходил?

ОЛЕСЯ. В нем есть музыка. (*Улыбнувшись.*) Правда, какая-то странная немного.

ГРИША. Военный марш?

ОЛЕСЯ. Разве музыку объяснишь словами?

ГРИША. А в твоей матери?

ОЛЕСЯ (*помрачнев*). Раньше была, когда папа еще был с нами. А теперь все реже и реже...

ГРИША помолчал, чему-то усмехнулся, помотал головой.

ГРИША. Интересно, почему это ее во мне нет? Во всех — есть, а во мне — нет! Правда, я к себе особенно не прислушивался.

ОЛЕСЯ уже не слушает его. Она опять вся в напряженном и радостном ожидании. Посматривает на часы, потом, не выдержав, встает, подходит к выходу на перрон. ГРИША тоже поднялся, подошел, встал рядом с ней. П а у з а. Над платформами прогремело невнятное объявление диктора. И постепенно начал оживать, просыпаться тихий маленький вокзал. Загремели тележками носильщики, все чаще и чаще взвизгивают тормозами такси на площади. Вот уже слышен шум подходящего поезда. Уже стучат на стыках колесами вагоны, лязгают буфера. Вот по

верхушкам деревьев промелькнули прожектора локомотива. ОЛЕСЯ и ГРИША стоят, напряженно смотрят в сторону приближающегося поезда. Его шум все ближе и ближе.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Прошло полчаса. Тот же сквер на Рижском вокзале. Кусты, деревья, скамейки, скульптура. Судя по всему, поезд уже давно прибыл. Уже разошлись, разъехались на такси и попутных машинах пассажиры, уже и сам состав отогнали на запасные пути. Опять над маленьким вокзалом нависла атмосфера тишины и безмятежности. Только небо стало значительно светлее, и весь воздух насквозь пронизан разногласным пением птиц. Отовсюду — с кустов, деревьев, с карниза крыши вокзала — доносится их неистовая, ликующая переключка.

На скамейке сидит ОЛЕСЯ. По-прежнему, вертит в руках поводок и ошейник. Вся ее поза, лицо, движения рук выражают крайнее недоумение и растерянность. Она поджала под себя ноги, втянула голову в плечи и стала как будто меньше ростом, незаметнее.

У выхода из скверика появился ГРИША. Он привычно озирается по сторонам. Убедившись, что никого поблизости нет, подходит к скамейке, устало плюхается рядом с Олесей, переводит дыхание. ОЛЕСЯ искоса, с тревогой смотрит на него, напряженно ждет.

ГРИША (покачал головой). Никого! Никаких мужчин в очках не было. Я даже в камеру хранения успел забежать — ничего похожего на твоего отца и близко нет.

ОЛЕСЯ медленно отвернулась от него.

(С надеждой.) Может, он через зал ожидания вышел, а? Я туда не совался, там этот в фуражке ходит.

ОЛЕСЯ резко повернулась. В ее глазах вспыхнула, было, надежда, но лишь на мгновение. Тут же ее взгляд потух.

ОЛЕСЯ. Не-ет. Он знает, что я его встречаю, жду. Если б он приехал (*На секунду запнулась*). Он искал бы меня по всему вокзалу. Тут что-то другое

Оба сидят, нахмурившись, напряженно думают. Громко перекликаются птицы над их головами.

Странную фразу мама крикнула, когда уходила. Ты не обратил внимания?

ГРИША. Насчет чего?

ОЛЕСЯ (*медленно*). «Он не может приехать!» И еще. «Пусть это послужит тебе уроком!» Что она имела в виду?

ГРИША. Мало ли. Просто в запальчивости, со зла сорвалось.

ОЛЕСЯ. Не-ет. Она что-то знает и не говорит. (*Неожиданно, с большим волнением*). Вдруг он прислал телеграмму, что заболел? Или не смог достать билет на поезд? А она ничего не сказала!

ГРИША. Какой ей смысл скрывать телеграмму? Самый сильный аргумент, чтобы затащить тебя обратно в кооператив.

ОЛЕСЯ пытается сосредоточиться. Слегка раскачивается из стороны в сторону, беззвучно шевелит губами.

ОЛЕСЯ. Хотя нет. Он не мог прислать никакой телеграммы. Он не знает нашего нового адреса. Ведь ему писала только я. Он не отвечал на мои письма,

ГРИША. Почему?

ОЛЕСЯ (*уклончиво*). Мы так договорились. Ну, чтобы лишний раз не травмировать маму. И потом. Я и так знаю, чувствую, как он к чему отнесется, о чем подумает. (*Обретая уверенность*). Кроме того, у него слишком мало времени, чтобы отвечать на мои лирические послания. Он много работает. Всегда много работал. Даже дома. (*Рассеянно, думая о чем-то другом*). Вот однажды... Он захотел одну книгу прочесть, на языке хинди. Сам. Без посторонней помощи. Так он за четыре месяца хинди выучил. Ты знаешь хоть один язык?

ГРИША (*с иронией*). Я русский-то плохо знаю. До сих пор путаю, как правильно писать — «заец» или «заиц».

ОЛЕСЯ (*рассеянно*). Заяц.

ГРИША. Спасибо. Буду знать.

ОЛЕСЯ никак не реагирует на его шутку, продолжает слегка покачиваться из стороны в сторону.

ОЛЕСЯ (*вздыхнув*). А папа выучил. Всего за четыре месяца. По три часа в сутки спал, а выучил.

ГРИША тоже было покачался в такт с ней, не получилось. Слышно, как на привокзальную площадь въехали поливальные машины. Гудение моторов, шипение водяных струй. Испуганно вспорхнули с деревьев и

кустов воробьи. И сразу на листву обрушились мощные потоки воды.

ГРИША. Слушай, это... У меня есть гениальная идея!

ОЛЕСЯ. Подожди, помолчи.

ГРИША. Махнули со мной в Прибалтику, а? А чего! Там все города в двух шагах друг от друга. Чихнуть не успеешь, разыщем твоего отца.

ОЛЕСЯ перестала покачиваться, повернулась к нему.

ОЛЕСЯ. Ну.

ГРИША. Передам тебя ему с рук на руки. В целости и сохранности. Сам дальше двину. Поехали?

ОЛЕСЯ. Ты это серьезно?

ГРИША. Вполне. Насколько я успел понять, домой тебе возвращаться все равно никакого резона. Поезд через час.

ОЛЕСЯ. Как мы поедem? «Зайцами», что ли?

ГРИША. А это что, по-твоему?

ГРИША достал из кармана билет, помахал перед собой.

ОЛЕСЯ. Это твой. А у меня денег на билет нет.

ГРИША. Подумаешь, делов-то! Я на юг сколько раз вообще без всяких билетов ездил. Каждое лето. Нет, серьезно. Тут мудрить нечего. Свой билет отдаю тебе. А сам как-нибудь.

ОЛЕСЯ. Как это — «как-нибудь»?

ГРИША. Уломаю какую-нибудь проводницу. И пересажу в тамбуре, чего-чего, обаяния мне не занимать. В крайнем случае, часы ей свои суну. У них все равно стрелки в разные стороны ходят. Как, едем?

ОЛЕСЯ. Не понимаю, по одному билету вдвоем, что ли?

ГРИША. Пусть это тебя не волнует. Я все беру на себя.

ОЛЕСЯ недоверчиво смотрит на него, кусает губы.

ОЛЕСЯ (*неуверенно*). Как-то это сложно все. (*Пауза*.) Я дальше Загорска никуда не ездила одна.

ГРИША. Почему одна? А я на что?

ОЛЕСЯ (*протяжно*). Ты? Я тебя совсем не знаю. Мы ведь знакомы всего ничего. Каких-нибудь полтора часа.

ГРИША. В процессе и познакомимся. Только предупреждаю. Во мне ничего выдающегося нет. Десять лет будешь копаться, ничего не найдешь. Обычная, заурядная, ординарная, трафаретная личность. Стереотип, так сказать. Музыка во мне, как ты выразилась, нету.

ОЛЕСЯ смутилась, покачала головой.

ОЛЕСЯ. Нет. Я не могу так сразу.

ГРИША. А чего тянуть-то? Подумаешь, расстояние! Не в Южную Америку едем. Если хочешь знать, я полстраны таким макаром объездил. То на попутных, то пешком, то на товарняке. И никогда билетов не брал.

Сегодня — исключение. А тут! С одним билетом на руках! Даю тебе слово, в купе поедем. С комфортом.

ОЛЕСЯ. Мне надо посидеть, подумать.

ГРИША. Сиди, думай. Время терпит. Пока. (*Пауза*.) Только не понимаю, чего тут думать? Для меня вообще, куда поехать — раз плюнуть! Сел да поехал. Сложности, тоже мне!

ОЛЕСЯ сидит, думает. ГРИША закинул ногу на ногу, тихо насвистывает. Усмехаясь, поглядывает на нее. Поливальные машины покружили по площади и одна за другой свернули в переулок. Затихающий гул моторов. Тишина.

ОЛЕСЯ (*неожиданно*). А где твои вещи. Ты без всего?

ГРИША. Все мое при мне!

ГРИША достал из нагрудного кармана красную зубную щетку, поболтал ею во рту, пощелкал зубами.

ГРИША. У меня тоже теория. Человеку нужен минимум. Вещи закабаляют. Ты бы на моих предков посмотрела. И смех и грех, честное слово. У отца лучшая в Москве коллекция вин, пол квартиры занимает. Думаешь, сам пьет? Или кого угощает? Такая ж коллекция сигарет. Сам, естественно, не курит. Я однажды пачку одну стянул, попробовать, я и не курил еще тогда, так он мне такую устроил веселую жизнь! Можешь себе представить, ночью ножницами остриг наголо!

ОЛЕСЯ (*потрясенно*). Совсем?!

ГРИША. Ну! Голова как коленка была. Я полтора месяца в школу не ходил. *(Вздыхнул)*. А ведь и он, наверное, когда-то человеком был. *(Нетерпеливо)*. Ну, надумала?

ОЛЕСЯ. Ты не отвлекай!

ГРИША секунду помолчал, поерзал на скамейке, вздохнул. В скверик опять долетел гудок маневрового тепловоза.

ГРИША. Ты какая-то тугодумка, честное слово! Я тебе что — квартиру ограбить предлагаю, что ли... *(Растерянно умолк)*.

ОЛЕСЯ *(грустно усмехнулась)*. Молчи уж лучше.

ГРИША сразу потупился, помрачнел. Невольно воспоминания нахлынули на него со всей силой. Он поморщился, как от зубной боли, встряхнул головой. Тревожно захлопали крыльями голуби на карнизе крыши вокзала. И вдруг шумно спились всей стайей, закружили над площадью.

ГРИША *(с отчаянной веселостью)*. Во жизнь, а! У других как по маслу. А у меня все шиворот-навыворот!

ОЛЕСЯ. Сам виноват.

ГРИША. Ага. Идеальная формула — «сам виноват».

ОЛЕСЯ. Конечно, сам. Кто еще.

ГРИША *(с раздражением)*. Что ты обо мне знаешь! Думаешь, мальчик из обеспеченной семьи? С жиру бесится? А я, если хочешь знать, полной грудью и дышу, только когда из дома вырываюсь. Я, может, и в игру эту

сволочную играть начал, чтобы жизнь узнать! Настоящую, без прикрас! И из дома убежал только поэтому. Моего отца послушать, так уши завянут! Живи тихо! Гребни под себя! На пятки не наступай, но и в хвосте не плетись! Не выступай, одним словом! Сиди и не рыпайся. А я жить хочу, понимаешь? Жить!!! Мне уже восемнадцать, а я и не знаю, какая ока — настоящая жизнь! *(Помолчав)*. Мой дед в кавалерии служил, отец — импортные бутылки собирает, а мне — что? Плыть по течению? Живи, как живется. О большем не мечтай. Так, что ли?! Мне восемнадцать лет, а в моей жизни еще ничего не происходило! Ничего не было. Все как один день.

ОЛЕСЯ. Так уж и ничего?

ГРИША *(неопределенно)*. Ну, пожалуй, кроме смерти деда... Да еще одной истории...

ОЛЕСЯ. С канарейками?

ГРИША. Да нет. С канарейками — это не история, это вывих! А то... давно это было...

Будто аккомпанируя словам Гриши, со стороны платформы доносится гитарный перебор. В темпе вальса звучит какая-то совсем простая, «затейливая» мелодия. ГРИША смотрит вдаль, туда, откуда приходят поезда.

(Задумчиво.) Хотя не так и давно это было. В девятом классе. Учился я, естественно, из рук вон. Отец мне преподавателя намял. По химии. Я в ней ни бум-бум.

ОЛЕСЯ. Честно говоря, я тоже.

ГРИША (*не слушая ее*). И пришла к нам домой одна... Сама-то девчонка. Институт только-только кончила. (*Умолкает*).

ОЛЕСЯ. И что дальше было?

ГРИША (*просто*). Все. Все у нас с ней было. Что обычно бывает. (*Долго-долго молчал*). Вот и вся моя жизнь. Смерть деда, да она!

ОЛЕСЯ *молчит. Видно, что ей стало его жалко до слез. ГРИША, задумавшись, смотрит вдаль. Тихо звучит гитара.*

ОЛЕСЯ. Как ее звали?

Резкий гитарный аккорд. Громкий женский смех.

ГРИША (*зло*). Ее имя уже вылетело из моей памяти!

ОЛЕСЯ. Она что, вышла замуж?

ГРИША. Естественно. И родила двойню. Не то даже тройню. Теперь катает коляску, по Гоголевскому бульвару. Каждый день. С двух до пяти. А у самой глаза, как у сытой кошки. Конечно, на что я сдался такой! Поиграла, как с мышкой, и замуж выскочила. Благоустроилась! (*Почти без перехода*). Ты едешь или как?

ОЛЕСЯ (*встряхнувшись*). Погоди, не дави на меня. Мне нужно взвесить все «за» и «против».

ГРИША пожал плечами, откинулся на спинку скамейки. Потом вдруг вытянул шею, напряженно смотрит в сторону. Резко стукнул себя кулаком по коленке, пригнулся.

ГРИША (*шепотом*). Что ты будешь делать! Его сюда все равно как магнитом тянет!

ГРИША сполз со скамейки и, не разгибаясь, быстро исчез в кустах. Через секунду в скверике с противоположной стороны появился МИЛИЦИОНЕР. Он увидел Олесю, удивленно вскинул брови, подошел к скамейке.

МИЛИЦИОНЕР. Что, не приехал?

ОЛЕСЯ. Кто?

МИЛИЦИОНЕР. Ну, ваш парень.

ОЛЕСЯ непонимающим взглядом смотрит на него.

(Улыбаясь.) А я, грешным делом, подсмотреть за вами хотел.

ОЛЕСЯ *(испуганно)*. Зачем?

МИЛИЦИОНЕР присел на самый край скамейки.

МИЛИЦИОНЕР. Хотелось увидеть, кто тот счастливчик. Извините, конечно. Вы немного на мою двоюродную сестренку похожи. *(Пауза.)* Вот. Связалась она с одним лохматым. А теперь плачет. Говорили ей, предупреждали. Вся родня была против. Нет, люблю — и точка. А теперь вот плачет. Письма пишет. Приезжай, припугни его. Совсем от дома отбился. Ты все-таки в форме. Может, одумается. Будто форма что-то решает. *(Пауза.)* Вашего-то как зовут?

ОЛЕСЯ. Моего?! *(Помолчав, тихо.)* Алеша.

МИЛИЦИОНЕР. Алеша — хорошее имя. А сестренкиного - Дмитрий. Не в имени дело, конечно. (*Пауза*). Но вы не горюйте. Не приехал и не надо. Значит, недостойн он вас.

ОЛЕСЯ. Зачем вы так говорите? Вы его совсем не знаете!

МИЛИЦИОНЕР. Что тут знать. Я вижу, вы ждете, волнуетесь, а он — на тебе! — не соизволил приехать! Сколько лет-то ему?

ОЛЕСЯ. Кому, Алеше? Сколько и мне.

МИЛИЦИОНЕР. Вот-вот. Если в таком возрасте слово свое не держит, дело плохо. Мой вам совет...

ОЛЕСЯ (*вежливо*). Спасибо, не надо.

МИЛИЦИОНЕР покашлял, нахмурился.

МИЛИЦИОНЕР. Конечно, ваше дело. Только мужчина должен быть хозяином своего слова. Сказал — приеду? Будь добр, а назначенное время приползи, а будь на месте, Пешком, по шпалам, но приди. Я так понимаю.

ОЛЕСЯ и МИЛИЦИОНЕР продолжают разговаривать, но не очень слушают друг друга. Каждый говорит о своем.

ОЛЕСЯ (*задумчиво*). Мало ли... Вдруг он заболел?

МИЛИЦИОНЕР. Это не причина. Если обещал, с температурой сорок все равно приди. Конечно, если ты мужчина, а не кто-нибудь еще.

ОЛЕСЯ. Или билет на поезд не достал.

МИЛИЦИОНЕР. Без билета. Уговорил проводницу. Тоже люди. Поймут, войдут в положение, помогут, если что...

ОЛЕСЯ. И вообще! Мало ли что могло случиться!

МИЛИЦИОНЕР. Не знаю. Случайся обычно у того, кто ищет повод, чтобы отвертеться от ответственности.

ОЛЕСЯ. Может, с работы не отпустили?

МИЛИЦИОНЕР. Распустят патлы до плеч и ходят, ходят... А глаза у всех как пуговицы. Никакой одухотворенности.

ОЛЕСЯ. Или еще что-нибудь.

МИЛИЦИОНЕР. Права помнят, а вот обязанности их будто и не касаются вовсе.

ОЛЕСЯ (встряхнувшись). Что вы такое говорите?! Мой папа совсем не такой!

МИЛИЦИОНЕР. Причем тут папа? Папа — человек другого поколения. А эти лохматые. Плывут по жизни, как деревяшки по реке. Куда ветер дунет, туда и они.

ОЛЕСЯ. Знаете, нельзя судить о человеке только по внешнему виду.

МИЛИЦИОНЕР. Не согласен. Внешний вид — визитная карточка личности. По одежке встречают. (Вздыхнул). Что там ни говори, длинные волосы — это явление социальное. Чуждое нам явление. И отнюдь не случайное.

ОЛЕСЯ (вежливо). Простите, по-моему, вы усложняете.

МИЛИЦИОНЕР. Ничуть. Вы просто не в курсе. Мне почти каждый день приходится сталкиваться... (на секунду замолк), ...с такими явлениями, с которыми не хотелось бы сталкиваться. Никогда.

ОЛЕСЯ. А мой папа говорит, длинные полосы — это красиво. Конечно, они не всем идут. Но разве дело только в волосах?

МИЛИЦИОНЕР внимательно посмотрел на нее, чуть заметно улыбнулся. Посерьезнел, поправил фуражку.

МИЛИЦИОНЕР. Ваш папа прав. Дело не в полосах. Дело совсем в другом. Ну, всего доброго!

МИЛИЦИОНЕР поднялся со скамейки, одернул китель, еще раз поправил фуражку на голове, козырнул.

ОЛЕСЯ (*торопливо*). Товарищ милиционер! Скажите, пожалуйста, что бывает за безбилетный проезд?

МИЛИЦИОНЕР. Где, в автобусе, а трамвае?

ОЛЕСЯ. В поезде дальнего следования, например.

МИЛИЦИОНЕР. Зависит от расстояния. А вы далеко собираетесь?

ОЛЕСЯ. Я?! Нет, я просто так. Из любопытства.

МИЛИЦИОНЕР. Ну-ну. Только не советовал бы я вам бегать за этим Алешей. Уважать вас меньше будет. До свидания!

МИЛИЦИОНЕР еще раз козырнул и медленно, поглядывая по сторонам, вышел из скверика. ОЛЕСЯ смотрит ему вслед. Тихо урча, на привокзальную площадь въехал автобус. С шипением раскрылись дверцы, топот ног, смех, говор. С противоположной стороны в скверике опять появился ГРИША. Он в приподнятом,

радостном настроении. Почти не оглядываясь по сторонам, решительно подходит к скамейке, останавливается рядом, ставит ногу на ее край, улыбаясь, смотрит Олесе прямо в глаза. ОЛЕСЯ невольно насторожилась, нахмурилась, немного отодвинулась.

ГРИША. Угадай, где я сейчас был?

ОЛЕСЯ. Опять в туалете прятался.

ГРИША. Еще чего! Пока он тут выпытывал мое происхождение...

ОЛЕСЯ (перебивает). Ничего он не выпытывал.

ГРИША. Не имеет значения. Я успел прокрутить лихую операцию! Обработал проводницу по имени Лайма! В имена у них, обалдеть можно! Лайма! Целая поэма! (*Торопливо*). Их состав сейчас подадут. Словом, Лайма согласна. Сердце женское, как известно, не камень.

ОЛЕСЯ. Не поняла.

ГРИША. Потом. Запомни. Ты — моя младшая сестренка. Мы едем разыскивать папу. Он бросил нашу маму и не платит алименты, негодяй! А? Стандартная ситуация. Тебе и врать-то, особенно не придется. Молчи себе в тряпочку. Лайма, все равно по-русски плохо петрит.

ОЛЕСЯ (*помолчав*). Наврал, значит.

ГРИША, Несколько сгустил краски. Не без этого. Для пользы дела.

ОЛЕСЯ. Нет, я так не могу.

ГРИША хлопнул себя ладонью по коленке, отошел в сторону, тут же вернулся обратно, присел рядом.

ГРИША. Чего тут мочь! Сиди и молчи себе! Я все беру на себя.

ОЛЕСЯ поджала губы, отрицательно покачала головой.

Странный ты человек! Ты отца хочешь видеть или нет? Да или нет?

ОЛЕСЯ. Хочу.

ГРИША. Тогда не морочь голову. Поехали!

ОЛЕСЯ (*подозрительно*). А с какой стати ты мне вдруг помогать бросился? Я не просила, кажется.

ГРИША (*улыбаясь*). Решил с сегодняшнего дня жить исключительно по твоему принципу. «Дашь на дашь». Творить добро направо и налево. Искупление ошибок молодости, так сказать.

ОЛЕСЯ. Не очень-то ты на кающегося грешника похож.

ГРИША. Решил отплатить тебе той же монетой. Показать Рижское взморье и папу в придачу. Всего за три рубля. Как?

ОЛЕСЯ молчит, прищурившись, смотрит на него.

Представляешь: голубое море, коричневые сосны, желтый песок...

ОЛЕСЯ. И кругом — янтарь, янтарь, янтарь...

ГРИША. Ну! А навстречу тебе идет папа. Seriously. Люди бешеные деньги платят за это удовольствие. В ку-

рятниках ютятся по рублю пятьдесят в сутки. Я тебе предлагают бесплатно.

ОЛЕСЯ. Если я и поеду, то не за экзотикой.

ГРИША. Папа — само собой. Никуда он не денется. Адрес знаешь?

ОЛЕСЯ кивнула.

Ну! Прямо с вокзала берем такси и дело в шляпе. Сотворю хоть одно доброе дело в своей жизни. Идет?

ОЛЕСЯ опять молчит, испытующе смотрит на него.

ОЛЕСЯ (*осторожно*). Хорошо. Допустим, я согласилась.

ГРИША. Другой разговор. Люблю заводных людей. Сам такой.

ОЛЕСЯ. Я сказала — допустим. Могу переиграть в одну секунду.

ГРИША. А в чем дело?

ОЛЕСЯ (*строго*). Ты должен дать мне слово.

ГРИША Ну!

ОЛЕСЯ. Что будешь вести себя как джентльмен. Понял?

ГРИША. Как кто? (*Слохватившись*). Старуха! На этот счет можешь быть совершенно спокойна. Хотя во мне и нет музыки, но я не из тех, кто пользуется запрещенными приемами. Считаю, я при тебе охрана.

ОЛЕСЯ. Тогда дай слово.

ГРИША. Зачем? И так все ясно.

ОЛЕСЯ. Иначе я никуда не поеду!

ГРИША. Хорошо. Даю, даю слово.

ОЛЕСЯ (*строго*). Нет, ты скажи: «Даю слово, что не брошу тебя одну ни при каких обстоятельствах!».

ГРИША посерьезнел. Издалека, со стороны соседней церквушки, доносится едва слышный перезвон колоколов.

ГРИША (*чуть нахмурившись*). Даю слово, что не брошу тебя одну ни при каких обстоятельствах.

ОЛЕСЯ. «Никому не дам в обиду!».

ГРИША. Никому не дам в обиду.

ОЛЕСЯ. «Если нарушу это слово, буду последним подонком!»

ГРИША покосился на нее, помогая головой.

ГРИША. Если нарушу это слово, буду последним подонком.

Легкий перезвон колоколов растаял в воздухе. Будто его и не было вовсе. ГРИША и ОЛЕСЯ, молча, сидят рядом.

ОЛЕСЯ (*вздыхнула*). Никогда еще не ездила без билета. Даже в трамвае. Ну ладно! Будь, что будет.

ОЛЕСЯ взяла в руки сумочку, достала кошелек, записную книжку. Что-то быстро пишет на листке бумаги.

Вот тебе адрес. Дай, пожалуйста, телеграмму папе. На всякий случай. Напиши всего два слова. «Еду, встречай Олесья!». Хотя это уже три слова. *(Копается в кошельке.)* Вот сорок копеек. Должно хватить.

ГРИША взял мелочь, листок, повертел его в руках. Оглянулся по сторонам, передернул плечами.

ГРИША. Слушай, это может, ты сама?

ОЛЕСЯ. Нет. Мне позвонить надо.

ГРИША. Кому?

ОЛЕСЯ. А вот это не твое дело!

ОЛЕСЯ встала решительно подошла к будке телефона-автомата, вошла в нее. ГРИША нехотя встал, уныло пошел к выходу из скверика, оглянулся назад. ОЛЕСЯ вертит диск автомата. ГРИША выглянул наружу, осмотрелся и вынырнул из скверика. ОЛЕСЯ в будке ждет, когда ее соединят. Нетерпеливо барабанит пальцами по стеклу.

(В трубку.) Алеша? Это опять я! Я тебя не разбудила? А почему ты не спишь? Не свисти! *(Улыбается)*. Говори шепотом, своих разбудишь. Алеша! У меня к тебе просьба. Очень важная. Только ты ни о чем не спрашивай. Не задавай лишних вопросов. Понимаешь, я сейчас уезжаю. Нет, нет, я не из дома звоню. Ну, я не могу ничего тебе рассказать. Потом, ладно? В общем, ты позвони на работу моей маме. Только не раньше, чем завтра. Да, то есть уже сегодня. Вечером. И скажи, чтобы она не

волновалась. Что со мной все в порядке, я уехала. Через день дам о себе знать. Что? Она знает куда. Нет-нет. Ничего не надо. Хорошо? Вот. А теперь повтори еще раз, что ты мне сказал тогда. *(Долго и серьезно слушает, чуть заметно улыбаясь)*. Пока, пока. Все. Я скоро вернусь. Ну, я не могу тебе сказать, понимаешь? Ты меня будешь ждать? Ага. Ладно. Хорошо. Все. Пока. Пока, говорю. До свидания. *(Повесила трубку)*.

ОЛЕСЯ несколько секунд стоит неподвижно, смотрит на аппарат. Потом выходит из будки. Громко поют птицы. Со всех сторон несется их неистовый, разноголосый гомон. ОЛЕСЯ подошла к скамейке, села, смотрит на часы. Потом достала из кошелька одну монету, высоко подбросила ее вверх, поймала ладонями, смотрит, что выпало. Медленно нагнулась, спрятала монету в туфлю, под пятку. За платформами по шпалам проходит путевой обходчик. В скверик доносится размеренный стук его молотка. Потом стихает за стрелками. Со стороны выхода «На перрон» появился ГРИША. Он опять тяжело дышит, как бегун после дистанции. Подходит к скамейке, устало плюхается рядом.

ГРИША. Все! Больше никуда не пойду. Через пять минут должны посадку объявить.

ОЛЕСЯ. Ты дал телеграмму?

ГРИША. Ну! Без очереди прорвался. Там, правда, очередь — всего два человека. Через три часа будет на месте.

Некоторое время оба молчат. Над вокзалом прогремело невнятное объявление диктора. Неторопливый шум шагов по платформе, визг тележек носильщиков. ГРИША и ОЛЕСЯ одновременно посмотрели на часы, оба вздохнули.

ОЛЕСЯ (вздыхнув). Слушай, что лучше — орел или решка?

ГРИША. Один черт! Вообще я больше в эти игры не играю. Нахлебался этой подзаборной романтики — во как! Под завязку! (Пауза). Отдохну напоследок пару месяцев и в армию.

ОЛЕСЯ. Там, говорят, вашего брата обламывают.

ГРИША. Ну, я не черемуха, чтобы меня обламывать.

Со стороны привокзальной площади резкий визг тормозов, громко хлопнула дверца такси, торопливый стук каблуков. В скверике появилась ШУБИНА. Распахнутый жакет, взлохмаченные волосы, в руках вертит связку ключей. Заметив ее. ГРИША встал и отошел в сторону. ШУБИНА подошла к скамейке, села, даже не смахнув пыль с нее, тяжело дышит.

ШУБИНА (кивнув в сторону Гриши). Это кто? Тот самый?

ГРИША опять, как и в предыдущий раз, вошел в будку автомата, делает вид, что собирается звонить.

ОЛЕСЯ. Да. Очень хороший парень.

ШУБИНА. Час назад ты как будто называла его «несчастливым».

ОЛЕСЯ. Одно не исключает другого. По-моему.

ШУБИНА. Что ему надо от тебя?

ОЛЕСЯ. Ничего. У нас чисто дружеские отношения.

ШУБИНА. Уже?! Всего-то час знакомы.

ОЛЕСЯ. У тебя тоже довольно быстро установились «дружеские» отношения кое с кем.

ШУБИНА взволнованно поправила волосы, выдохнула.

ШУБИНА. Если ты намекаешь на Володю, то совершенно напрасно. Его больше нет. Я выставила его за дверь.

ОЛЕСЯ. Правда?

ШУБИНА. Да. Собрала все его вещи, до последнего носового платка, сама уложила в чемодан и выставила. Даже хлопнула дверью перед его носом, когда он хотел что-то сказать! Вот его ключи. *(Сняла с кольца один ключ, протянула Олесе)*. Теперь они твои. Держи, вдруг свои потеряешь. Держи, держи.

ОЛЕСЯ взяла ключ, осторожно повертела его в руках.

ОЛЕСЯ *(недоверчиво)*. Когда это ты все успела?

ШУБИНА. Ты меня плохо знаешь. Если я что решу, нет силы, способной меня остановить. Он ушел. И больше никогда не вернется. Между прочим, ты сама виновата! Почему сразу не сказала, что он... *(Подбирая*

слова). ...вел себя недостойным образом по отношению к тебе? Я бы приняла меры!

ОЛЕСЯ (*тихо*). Откуда ты знаешь?

ШУБИНА. Сам признался. Это надо же, какая наглость! Уму непостижимо! Он даже не пытался ничего отрицать! (*С неподдельным возмущением*). Будто такое в порядке вещей! Но ты тоже хороша! Чуть что, уходить из своего собственного дома и бежать на вокзал — это не метод! (*С удовлетворением*). Но ничего! Я все высказала, что о нем думала. Я ему прямо так и сказала: «Ты недостойн даже пятки моей дочери! Те два года, которые я потратила на тебя, я с корнем вырвала, из своей памяти! Как выяснилось, мы стоим на разных ступеньках духовного развития. Между нами не может быть ничего общего. Тебе никогда не испытать даже сотой доли тех чувств, которые... ». Словом, не волнуйся, я много чего ему высказала. Прямо в лицо. В это мерзкое, гнусное лицо. Он надолго запомнит! (*Переводит дыхание, поправляет волосы*).

ОЛЕСЯ (*тихо*). И гантели свои дурацкие забрал?

ШУБИНА. Все до последней мелочи. Не волнуйся, больше ничто не будет тебе напоминать о существовании этого недочеловека. Господи! Как я раньше могла не разглядеть за этой красивой оболочкой полное ничтожество. Боже мой! У меня сегодня будто глаза раскрылись. (*С презрением*). Обаятельная улыбка и холодный, расчетливый цинизм в глазах. Он мне и нравился раньше только потому, что честно говоря, умел молчать. И все.

ОЛЕСЯ. Скорее, не умел разговаривать.

ШУБИНА. Буркнет, бывало, что-нибудь себе под нос. Или просто пожмет плечами. А ты думай себе что угодно. Я и награждала его в своем воображении теми достоинствами, о которых он только в книгах и читал. Если вообще что-либо читал. Он ведь бывший спортсмен. *(Тихо и доверительно)*. А спортсмены, все, — довольно ограниченные люди. Можешь мне поверить.

ОЛЕСЯ поморщилась, передернула плечами.

ОЛЕСЯ. Мама! Не увлекайся. Еще неделю назад ты настойчиво заставляла меня называть его «папой». *(Искренне)*. Вот ужас-то!

ШУБИНА. Я виновата! Я ошиблась и горько раскаиваюсь теперь. Я чуть было из-за этого недочеловека не потеряла самое дорогое, что у меня осталось в жизни. Тебя. Но я вовремя спохватилась. Ты раскрыла мне глаза на это вечно жующее существо, с которым я прожила целых два года под одной крышей. Я тебе всю жизнь буду благодарна за это. Вот увидишь. Теперь я буду заниматься только тобой. У нас все будет по-прежнему.

ОЛЕСЯ грустно усмехнулась, взглянула на Шубину.

ОЛЕСЯ. Нет. У нас не будет «по-прежнему». У нас не может быть «по-прежнему».

ШУБИНА (*удивленно*). Почему же, Олесенька?

ОЛЕСЯ. Потому что я стала взрослой, мама. Ты не заметила самой главной перемены во мне. Ты не заметила, как я отрезала косы.

ШУБИНА. Почему же! Я отлично помню этот день. Ты еще опоздала к ужину, а я...

ОЛЕСЯ. Мама! Я не в буквальном смысле. Косы тут ни при чем.

ШУБИНА. Не понимаю, что ты хочешь сказать.

ОЛЕСЯ. У нас не может быть «по-прежнему», пока с нами нет папы.

ОЛЕСЯ отвернулась в сторону и не видела, как изменилась в лице ШУБИНА. Она опять, в который раз, судорожно поправила волосы, застегнула на все пуговицы жакет.

ШУБИНА. Олеся! Девочка моя, пойми! В супружеской жизни кто-то один должен быть сильным. Крепко стоять на земле. Сама знаешь, я никогда не отличалась особой пробивной силой, как теперь модно выражаться. Единственное, на что хватило моей расторопности, — это долгие годы работать, как каторжной, шить знакомым и незнакомым на дому, чтобы скопить какие-то деньги, как-то обеспечить всем нам устойчивое положение. И я добилась своего. Я скопила на кооператив, хотя это и стоило мне нескольких лет жизни и здоровья. Теперь у нас есть свой собственный дом. Большая светлая квартира. Это немало, пойми. Особенно для женщины. *(Вздохнув)*. Когда-нибудь ты меня поймешь.

ОЛЕСЯ. Я понимаю.

ШУБИНА. А отец? Разве он был настоящим мужем? Или отцом? Чем он помогал мне? Изучал никому не нужный язык? Тратил все деньги, которые я с таким трудом зарабатывала, на словари и справочники? Да еще собирал — подумать только! — коллекцию бабочек! Все субботы и воскресенья, если ты помнишь, он проводил не в кругу семьи. Не с тобой и мной. Как ошпаренный гонялся по всей округе с сачком наперевес, будто он школьник какой, а не глава семьи. Сказать-то, кому и то было стыдно. Чем занимается мой муж? Он... он собирает бабочек! Это в наше-то — время!

ОЛЕСЯ нетерпеливо морщится, поглядывает на часы.

Хорошо. Может быть, он любил свою работу? Нет. Она его интересовала постольку-поскольку. «От» и

«до». Зарплата, отпуск раз в году и все. Никакого честолюбия, никакого стремления подняться выше, занять положение, более достойное его знаний и ума.

ОЛЕСЯ. Зачем?

ШУБИНА (*недоуменно*). Что — «зачем»?

ОЛЕСЯ. Зачем занимать это самое положение? Зачем ему было подниматься еще выше по служебной лестнице, если он и так был счастлив! (*Помолчав, спокойно*). Мама! У тебя просто не хватает мужества взглянуть правде в глаза!

ШУБИНА (*настороженно*). В чем она, твоя, правда?

ОЛЕСЯ. Моя? Ты никогда не любила папу.

Громко и неразборчиво загремел над вокзалом динамик. Объявление о начале посадки на рижский поезд. Усилился шум шагов по платформе, грохот тележек носильщиков. Все чаще и чаще взвизгивают тормозами подъезжающие такси.

ШУБИНА. Ладно. Олеся. Давай обо всем поговорим дома. Спокойно.

ОЛЕСЯ. Нет, мама.

ШУБИНА. То есть как — нет? Почему?

ОЛЕСЯ. Я уезжаю, мама.

ШУБИНА (*со страхом*). Куда, господи?!

ОЛЕСЯ. Я еду к папе.

ШУБИНА (*почти вскрикивает*). Нет, это невозможно!!!

ОЛЕСЯ. Давай только без паники. Подумаешь, дело какое! Я не в Южную Америку еду. Другие вон пол-

страны уже объездили. И ничего. Я ведь не одна еду, с Гришей.

ШУБИНА машинально повернулась в сторону Гриши, прижала к губам костяшки пальцев, отрицательно качает головой. В ее глазах — растерянность и страх. ОЛЕСЯ же, напротив, сама уверенность и спокойствие. Она даже улыбается.

ШУБИНА. Нет!

ОЛЕСЯ. Не волнуйся, он будет моим телохранителем. Ничего с нами не случится.

ШУБИНА. Нет. Нет!

ОЛЕСЯ. Правда, у нас всего один билет на двоих. Но Гриша уже обо всем договорился с проводницей. На него можно положиться.

ШУБИНА (*шепотом*). Господи!

ОЛЕСЯ. Ну, в крайнем случае, я подарю проводнице свои часы. Мне их совсем не жалко. (*Нахмурившись*). Что ты на меня так смотришь'? Прибалтика, между прочим, совсем рядом. Как только приеду, сразу же дам о себе знать. Я только навещу папу и вернусь. Что тут такого?

ШУБИНА. Нет! Нет! Нет!

ОЛЕСЯ. Что ты заладила — «нет» да «нет»! Я не ребенок, в конце концов.

ШУБИНА. Я тебя никуда и пущу!

ОЛЕСЯ. Ну, знаешь! К твоему сведению, я уже совершеннолетняя. Могу вполне распоряжаться собой. Как захочу.

ШУБИНА. Олесенька! Я прошу тебя, умоляю!! Не делай этого!!!

ОЛЕСЯ почувствовала что-то неладное в словах матери, разглядела панический страх в ее широко открытых глазах.

ОЛЕСЯ (медленно). Почему ты так смотришь на меня? Мама! Почему не делать этого?

ШУБИНА (торопливо). Олесенька! Поедем домой! Нас такси ждет. Такой добрый таксист попался, безотказный. Включил только счетчик и готов ждать хоть сутки. У меня мало денег. Поедем, Олеся!

ОЛЕСЯ. Нет! Почему это я не должна ехать к папе? Ну!

ШУБИНА. Олесенька! Поедем домой. Я прошу тебя.

ОЛЕСЯ Ты что-то скрываешь от меня?

ШУБИНА. Дома. Я все тебе объясню дома.

ОЛЕСЯ. Он что, переменил адрес?

ШУБИНА. Нет.

ОЛЕСЯ. Или у него уже другая семья?

ШУБИНА. Нет. Нет.

ОЛЕСЯ. Тогда в чем дело? Почему я не могу увидеть своего отца?

ШУБИНА вдруг вскрикнула и рыданиями бросилась к Олесе на шею. Что-то быстро-быстро говорит, обливаясь слезами, разобрать можно только: «Прости, прости». ОЛЕСЯ неуверенно пытается освободиться от нее, беспомощно оглядывается по сторонам. Замечает ГРИШУ в телефонной будке, делает ему знаки.

ГРИША вышел из будки, низко опустил голову, ушел в сторону, скрылся в кустах. Громко кричат птицы прямо над головами Олеси и Шубиной. ОЛЕСЕ, наконец, удалось освободиться от объятий Шубиной, она чуть отодвинулась, смотрит на мать с удивлением и страхом. ШУБИНА продолжает плакать. По ее щекам катятся слезы, она уже не пытается их скрывать.

ШУБИНА. Прости меня, Олесенька! Просто я не хотела, я виновата, я просто не могла раньше. Я хотела. Сказать, когда тебе исполнится восемнадцать. Прости меня. Я не хотела тебя травмировать. *(Почти со стоном)*. У нас нет больше папы. Он... он умер...

ОЛЕСЯ. Что?

ШУБИНА *(почти скороговоркой)*. Да, да. Он умер. Еще два года назад. Прости меня, Олеся! От сердечной недостаточности. Я хотела сказать, когда тебе исполнится восемнадцать. Я не могла раньше.

ОЛЕСЯ. Ты врешь, да?! Ты специально, да?!

ШУБИНА, как в полусне, медленно берет в руки сумку, долго копается в ней, достает из-под подкладки лист бумаги, протягивает Олесе. Сама отворачивается.

ШУБИНА. Вот. Телеграмма. Два года я ношу ее с собой. За подкладкой. Я не могла раньше показать ее тебе.

ОЛЕСЯ со страхом берет в руки маленький лист бумага, разворачивает его, подносит близко-близко к глазам.

ОЛЕСЯ (охрипшим шепотом). «Конструкторское бюро завода сообщает тринадцатого сентября скоропостижно»...

ОЛЕСЯ резко сжимает в ком лист бумаги, стискивает в кулачке. Над вокзалом вновь неразборчиво гремит динамик. Диктор вторично объявляет посадку на рижский поезд. Шум шагов по платформе, грохот тележек носильщиков усиливается. Говор, смех, музыка. В скверик влетает ГРИША, останавливается у выхода. Делает какие-то знаки, отчаянные, нелепые — Олесе. ОЛЕСЯ и ШУБИНА неподвижно сидят рядом на скамейке. Сейчас они особенно похожи друг на друга. Возрастная разница будто исчезла. ГРИША скрывается так же мгновенно, как и появился. На площади одно за другим с визгом останавливаются такси. П а у з а. ОЛЕСЯ медленно разжимает кулачки, осторожно разворачивает лист бумаги, так же медленно, сосредоточенно рвет его на мелкие-мелкие кусочки. Бросает на землю. Кусочки бумаги, как хлопья белого снега, разлетаются по всему скверику. Со стороны платформы — смех, веселая музыка.

ОЛЕСЯ (каким-то неестественно спокойным тоном). Нет. Я не верю. (С презрением.) Какой-то листок бумаги...

Тихо всхлипывает рядом на скамейке ШУБИНА. Пауза. ОЛЕСЯ продолжает говорить спокойно и твердо. Чувствуется, что все это дастся ей невероятным усилием воли.

Он слишком любил нас, чтобы... Он всегда был счастлив. Хотя почему «был»? Какое-то идиотское слово!.. Он изучил меня слышать музыку. И в себе, и в других. Он научил меня разбираться в людях. Он всегда говорил правду. Только правду. Его любили все. Даже бродячие собаки виляли хвостом...

ШУБИНА. Олесенька! Поедем домой.

ОЛЕСЯ не слышит ее. Разговаривает будто сама с собой. Над платформами гремит веселая музыка.

ОЛЕСЯ. Однажды он повел меня в зоопарк. Водил от клетки к клетке, показывал зверей. Он всех их знал по имени. Всех до единого. А еще один раз в пасмурный день он сделал бумажного змея, нарисовал на нем солнце и запустил в небо...

ШУБИНА. Олеся! Поедем домой!

ОЛЕСЯ не слышит ее, смотрит прямо перед собой. В скверик заглянул МИЛИЦИОНЕР. Увидел Олеся и Шубину, нахмурился. Потом, что-то сообразив, скрылся в выходе «На перрон». ОЛЕСЯ медленно повернулась к матери. В эту секунду они будто поменялись местами. Кажется, что Олеся стала старше и взрослее, а Шубина моложе и беспомощнее.

ОЛЕСЯ (*помолчав*). Да. Сейчас поедem. Ты иди. Мне только нужно позвонить... Дай мне, пожалуйста, две копейки.

ШУБИНА (*копается в сумочке*). Сейчас, сейчас. Я всегда ношу с собой. Телефон нам обещали только через полгода. Неудобство, конечно, но что делать. потерпим. Вот!

*ШУБИНА протянула ей горсть монет на ладони
ОЛЕСЯ взяла одну монету, сжала в руке.*

ОЛЕСЯ. Иди, мама. Я сейчас.

*ШУБИНА смотрит на нее, пытается улыбнуться.
Ей это удастся только с трудом, через силу.*

ШУБИНА (*сквозь слезы*). Какая ты у меня... Совсем-совсем взрослая.

ОЛЕСЯ. Иди, мама.

ШУБИНА поднялась со скамейки, рассеяно поправила жакет.

ШУБИНА. Не задерживайся, хорошо? Мне не хочется сейчас быть одной ни минуты. Придем домой, попьем чаю

ОЛЕСЯ. Иди, мама.

ШУБИНА. Я жду тебя в машине.

ШУБИНА медленно, часто оглядываясь, растерянно улыбаясь, уходит по дорожке из скверика. ОЛЕ-

Ся смотрит ей вслед. Потом, когда Шубина скрывается из вида, отворачивается, подносит кулачки к вискам и застывает в этой нелепой, трагической позе. Видно, что ей понадобилось все ее самообладание, вся сила волн и выдержка, чтобы так спокойно разговаривать с матерью. Громко и неразборчиво гремит динамик над вокзалом. Шум, грохот тележек, визг такси, смех, говор резко усиливаются. Потом чуть заметно стихают. Прыгая через кусты, прямо по газону в скверик влетает ГРИША, как вкопанный останавливается перед скамейкой, тяжело дышит.

ГРИША. Старуха! Ты чего расселась-то?! Лайма волосы на себе рвет, что связалась с нами. Нам давным-давно пора в купе сидеть и не дышать. Ее тоже могут взгреть — будь здоров! — если бригадир заметит!

ОЛЕСЯ сидит в прежней позе, не шевелится.

(Тревожно.) Старуха, ты чего? Что-то случилось, да? (ОЛЕСЯ медленно кивает головой.) Дома, что ли? С матерью?

ОЛЕСЯ отрицательно мотает головой. Гриша беспомощно оглядывается по сторонам. Видно, что он испугался.

А с кем, с отцом, что ли? Он заболел?

ОЛЕСЯ едва заметно отрицательно качает головой.

Что тогда стряслось-то? Можешь сказать?

ОЛЕСЯ поворачивает к нему лицо, полное неизъяснимой боли и отчаяния, ГРИША каким-то десятым чувством понимает, чуть отшатывается от нее. Несколько секунд они смотрят друг другу в глаза, оба еще не до конца веря в происходящее, пытаясь найти хоть отблеск надежды в глазах друг друга. Неестественно громко кричат птицы. Оглушительно, с каким-то надрывом. Первой отворачивается ОЛЕСЯ. Она прислоняется к спинке скамейки и сидит так, равнодушно глядя куда-то в сторону.

ГРИША (ошеломленно трет лоб. Тихо). Ничего, ничего, старуха. Ты держись!.. Держись!.. Я, может, один только и понимаю, каково тебе сейчас. Ты все равно назло, стисни зубы и держись!.. Только так и надо! Только так!

Со стороны привокзальной площади гудок машины.

(Продолжает глухим голосом.) У меня, когда дед умирал, мы вдвоем на даче были. Осень. Все разъехались уже. Все дачи заколочены. А телефон только на станции, в трех километрах. Ему когда плохо стало, нога отнялась, я бегом через лес. Темень кругом, дождь... Изредка мелькнет огонек на станции, и все. А я — напролом. Мне потом этот огонек каждую ночь снился. Бежишь, бежишь, а он все дальше и дальше от тебя. Но

я добежал. Дозвонится. Вернулся, а ему еще хуже. Меня трясет всего, то ли от холода, то ли от страха, мне тогда четырнадцать было. А дед лежит в качалке, подмигивает и шепчет: «Держись!.. Держись!.. Сейчас приедут и полный порядок!». Я, может, в ту ночь самое главное для себя понял...

С площади опять гудок машины. ОЛЕСЯ, не дослушав его, встает и медленно, спотыкаясь, идет к будке телефона-автомата. ГРИША, чуть привстав на скамейке, с тревогой наблюдает за ней. ОЛЕСЯ вошла в будку, поднесла к уху трубку и без остановки вертит диск автомата, забыв опустить монету. ГРИША вскакивает, подходит к будке, достает из кармана монету, осторожно, стараясь не коснуться Олеси, опускает монету в щель. Автомат срабатывает. ГРИША отходит в сторону, к скамейке. Потом еще дальше, в противоположный угол скверика.

ОЛЕСЯ (в трубку). Алеша?.. Это опять я. Алеша. Все отменяется. Я никуда не еду. (Долго слушает, молчит). Я ничего не смогу сейчас объяснить тебе. Даже если бы очень этого захотела. Алеша! Повтори, пожалуйста, что ты мне сказал тогда. Сейчас мне это очень нужно. Необходимо. (Долго и внимательно слушает). Спасибо тебе. Все. Пока. Я позвоню тебе. Завтра. Нет. Нет. Нет. Я позвоню. Ничего не надо.

ОЛЕСЯ медленно вешает трубку на рычаг, продолжает стоять в будке. ГРИША быстро подходит, открывает дверцу, берет ее под руку, выводит нару-

жу. ОЛЕСЯ осторожно освобождает руку, сама подходит к скамейке, медленно опускается на нее. ГРИША осторожно присел рядом. Вновь громко гремит динамик над вокзалом. Судя по всему, до отправления поезда осталось три минуты. (Пауза) Со стороны площади опять гудок машины.

ГРИША (*грустно усмехаясь*). Сам не пойму, чего меня так в эту Прибалтику тянет? (Пауза) Живешь-живешь, вот так... Все ждешь чего-то. Думаешь, может, вот там-то и будет то самое, чего ты ждешь... Стрясется то, что изменит все. Ты меня понимаешь?

ОЛЕСЯ. Да. Папа тоже очень любил Прибалтику.

ГРИША. Янтарь на пляже — это, конечно, липа, выдумки. Но говорят, там все равно красиво.

ОЛЕСЯ. Мне папа рассказывал.

ГРИША. И, наверное, не только в природе дело. Может, там люди другие живут, не такие психи, как мы. Спокойные, добрые. По-настоящему спокойные и добрые. Без слюнтяйства.

ОЛЕСЯ. Мне папа рассказывал.

ГРИША (*помотал головой*). А может, липа это все. Вся эта Прибалтика с ее красотами? Может, просто мы сами придумали себе сказку со счастливым концом и пересказываем ее без конца друг другу. А сами, внутри-то, знаем, что все это липа. Так тоже может быть, а?

ОЛЕСЯ. Нет. Так не может быть.

Громко гремит динамик. До отправления рижского поезда осталось две минуты. Громкий говор на

платформе, смех, поцелуи, крики. Где-то играет музыка.

ГРИША (*тихо, с надеждой*). Слушай, это... Может, все равно поедем со мной, а?

ОЛЕСЯ. Зачем?

ГРИША. Ну, вроде я только-только начал понимать тебя. А ты первая, кто понимает меня. Другой бы я ничего не сказал про кражу. Такое не каждый день случается. Люди иной раз всю жизнь ищут и не находят. А мы встретились. Расходиться нелепо как-то

ОЛЕСЯ (*качает головой*). Нет. Нет. Нет.

Опять гремит динамик. Провожаящих просят покинуть вагоны. До отправления остается всего одна минута. Смех, говор. С противоположной площади — гудок машины.

ГРИША (*тихо*). Поедем, а?

ОЛЕСЯ. Нет.

ГРИША (*с отчаянием, почти кричит*). Хочешь, я буду твоей собакой? Можешь надеть на меня ошейник. Я буду выполнять все приказания. Научусь даже вилять хвостом!

ОЛЕСЯ. Нет. Я должна идти домой. Ведь в ней... (*С трудом*). ...в маме изредка еще звучит музыка. Если она кончится, в этом буду виновата только я.

ГРИША. Но почему?! Почему?! Потому что я такой конченный?!

ОЛЕСЯ. Нет, ты добрый. Но в тебе нет музыки. (*Пауза*). И потом. Я люблю другого.

ГРИША. Кого?

ОЛЕСЯ. Есть такой человек, которого я люблю просто так. Потому что он есть на свете. И все.

ГРИША. Как его зовут?

ОЛЕСЯ. Алеша. (*Пауза*) Прощай!

ОЛЕСЯ встала со скамейки и быстро, не оглядываясь, уходит из скверика, ГРИША смотрит ей вслед, потом тяжело опускается на скамейку. Шум отъезжающей машины. Почти одновременно шум трогаящегося с места поезда. Шум, смех, крики. ГРИША сидит на скамейке, раскачивается из стороны в сторону. На глазах его слезы.

ГРИША (*шепотом*). Музыки нет... Алеша!.. Нет музыки...

Неожиданно застывает. Видно, что ему в голову пришла какая-то мысль. Он торопливо лезет в карман, достает оттуда свисток, долго-долго и внимательно на него.

(*Почти торжествующе*). Вот она-а! Му-зы-ка-а!!!

Вскакивает со скамейки и начинает что есть мочи свистеть в него. Громкий милицейский свист заполняет весь скверик, перехлестывает через кусты, деревья, несется над всем городом. Тревожный, неистовый. ГРИША вкладывает в этот свист всю свою боль, всю силу и страх. Он извивается, как саксофонист в джазе, притоптывает ногой и свистит, сви-

стит. Потом резко выпрямляется, облегченно дышит. И стоит, ждет. Спокойно смотрит на уже тронувшийся с места поезд. В скверике появился МИЛИЦИОНЕР. Он не торопясь подошел к Грише, остановился рядом.

ГРИША. Задержите меня. Я совершил кражу.

МИЛИЦИОНЕР. Пройдем.

ГРИША. Сейчас, сейчас. Я только поезд провожу.

Оба стоят, смотрят на проплывающие мимо вагоны. На их лицах отблесками вспыхивает свет из окон. Вагоны катятся все быстрее и быстрее. П а у з а.

КОНЕЦ

1978 год